

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

ТРОПА МЕРТВЫХ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс

Тропа мертвых (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8487071
Тропа мертвых / Джеймс Роллинс: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75976-7

Аннотация

Не так давно Сейхан, наемная убийца, работала на зловещую организацию «Гильдия». Но сейчас она сбежала из нее, примкнув к группе «Сигма», выполняющей секретные задания американского правительства. И теперь Сейхан необходимо вывести всю возможную информацию о своих бывших работодателях. Она нашла ученого из «Гильдии», который готов передать ей важные документы при личной встрече в Париже. Однако там девушка угодила в ловушку. Чтобы освободиться и получить документы, она должна спасти сына ученого, попавшего в лапы кровавой религиозной секты. Для этого Сейхан придется пройти тропой мертвых и добыть ключ к древнему и страшному секрету. Ключ, который откроет «Сигме» двери всех тайн...

Впервые на русском языке! Новое произведение Джеймса Роллинса, являющееся предысторией романа «Дьявольская колония»!

Содержание

Джеймс Роллинс	5
Отрывок из романа «Дьявольская колония»	23
Историческая справка	23
Научный комментарий	24
Пролог	25
Часть первая	31
Глава 1	31
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джеймс Роллинс

Тропа мертвых (сборник)

James Rollins
The Skeleton Key
Tracker
City of Screams
Blood Brothers

The Skeleton Key © 2011 by James Czajkowski
Tracker © 2012 by James Czajkowski
City of Screams © 2012 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell
Blood Brothers © 2013 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell

© А.В. Бушуев, перевод с английского, 2014
© А.В. Бушуев, перевод с английского, 2013
© А.В. Бушуев, перевод с английского, 2012
© А.В. Бушуев, перевод с английского, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Джеймс Роллинс Тропа мертвых

Сейхан проснулась от того, что к ее горлу прижали нож. Во всяком случае, ей так показалось.

Она окончательно проснулась, но глаза открывать не стала, притворяясь спящей, чувствуя, как что-то острое впивается в ее шею. Инстинктивно поняла, что двигаться нельзя. Пока еще нельзя. Затаив дыхание, Сейхан полагалась лишь на чувства. Но нет, она не уловила никакого движения, не почувствовала голой кожей перемещения холодного воздуха, не уловила чужого запаха или дыхания. Лишь слабый запах роз и дезинфектанта.

Неужели я одна?

Чувствуя, как что-то давит ей на шею, она приоткрыла один глаз и быстро обвела взглядом помещение. Она лежала на чужой кровати в комнате, которую никогда раньше не видела. Постель была застлана роскошным парчовым покрывалом. Над изголовьем – старинный гобелен. На каминной полке – хрустальная ваза со свежесрезанными розами. Рядом – позолоченные часы восемнадцатого века на массивном мраморном постаменте.

Начало одиннадцатого. Такое же время показывали и электронные часы на прикроватном столике. По теплomu оттенку света, проникавшего сквозь прозрачные шторы, Сейхан поняла: сейчас утро.

Она уловила приглушенные голоса. Говорили по-французски, как и следовало ожидать, судя по мебели и убранству комнаты. Голоса доносились извне, скорее всего, из коридора.

Это гостиничный номер, предположила Сейхан. Дорогой, элегантный, какой ей ни за что себе не позволить. Она подождала еще несколько секунд, чтобы окончательно убедиться, что в комнате, кроме нее, никого нет.

Юные годы Сейхан прошли в трущобах Бангкока и на задворках Пномпеня. Типичная полудикая обитательница улиц, именно тогда она и обрела простейшие навыки своей будущей профессии. Искусство выживания на улицах требовало постоянной бдительности, хитрости и жестокости. Когда бывшие наниматели нашли ее и забрали с улицы, переход в статус наемного убийцы прошел для нее абсолютно безболезненно.

Спустя двенадцать лет у Сейхан было новое лицо, к которому она до сих пор так и не привыкла, и все время ждала, когда же, образно говоря, мягкая глина наконец затвердеет и примет законченные очертания.

Но кем же она тогда станет? Она предала своих бывших нанимателей, международную преступную организацию, известную как Гильдия. Впрочем, это название не было настоящим – лишь удобным звучным псевдонимом. Истинная суть и цели этой организации оставались неясными даже для тех, кто на нее работал.

Совершив предательство, Сейхан лишилась всего: дома, страны, всего на свете, за исключением разве что сомнительной верности американскому агентству «Сигма». Оно наняло ее выяснить настоящих кукловодов, искусно управлявших Гильдией. Ей было поручено уничтожить своих бывших хозяев прежде, чем те уничтожат ее.

Именно это и привело ее в Париж – задача найти конец нити и размотать весь клубок.

Она медленно села на постели и увидела собственное отражение в зеркале платяного шкафа. Черные волосы спутаны. Зеленые глаза мутные, тусклые; им невыносим даже слабый утренний свет! Ее явно накачали каким-то наркотиком.

Кто-то раздел ее до трусов и бюстгалтера – чтобы обыскать на предмет скрытого оружия или просто для того, чтобы унижить. Ее одежда – черные джинсы, футболка и черная

байкерская куртка – сложены в стопку на антикварном кресле эпохи Людовика XV. На прикроватном ампирном столике аккуратно разложено ее оружие, как будто в насмешку над его смертоносным характером. Пистолет «ЗИГ-Зауэр» все еще оставался в наплечной кобуре, тогда как кинжалы и ножи были вытащены из ножен, и их лезвия недобро поблескивали в лучах света. Так же, как и новое ювелирное изделие у нее на шее.

Ей на шею надели и плотно закрепили кольцо из нержавеющей стали. Крошечный зеленый огонек светодиода мигал на уровне ямки под горлом. В этом месте в кожу больно впивались острые шипы.

Так вот что разбудило меня...

Сейхан протянула руку к электронному ошейнику и осторожно провела кончиком пальца по его поверхности, надеясь отыскать запорный механизм. Под правым ухом обнаружилось крошечное отверстие вроде игольного ушка. Замочная скважина. Да, но у кого ключ?

Сердце как будто подскочило к горлу и с каждым ударом натывалось на острые шипы. В следующий миг ее обдало жаркой волной гнева, лишь только где-то на поясице остался крошечный островок холодного ужаса.

Она сунула палец под ошейник. Ей тотчас стало нечем дышать, шипы вонзились в кожу еще сильнее. Острая боль огнем пронзила все ее тело до самых костей.

Выгнув спину дугой, Сейхан рухнула на постель. Ей хотелось кричать, но грудь как будто ждали тиски. А затем – темнота... небытие...

Она откинулась на подушку, и ей тотчас сделалось легче. Увы, это приятное ощущение длилось недолго.

Вскоре Сейхан окончательно проснулась, чувствуя во рту привкус крови. Как оказалось, она прикусила язык. Тогда девушка бросила мутный взгляд на каминные часы. Как оказалось, прошла всего секунда.

Все еще дрожа от удара электрическим током, Сейхан снова присела на кровати и осторожно опустила ноги на пол. Стараясь не прикасаться к ошейнику, подошла к окну, чтобы понять, где находится.

Встав чуть сбоку от окна, чтобы не отбрасывать тень, она выглянула вниз, на площадь, посреди которой высилась массивная бронзовая колонна, увенчанная статуей Наполеона. Площадь окружала аркада одинаковых элегантных зданий со сводчатыми проходами и высокими окнами второго этажа, отделенными друг от друга декоративными колоннами и пилястрами.

Я по-прежнему в Париже...

Сейхан отступила от окна. Она прекрасно знала, где находится: на рассвете, когда город только-только просыпался, она прошла по этому самому месту. Это была знаменитая Вандомская площадь, с ее ювелирными магазинами и модными бутиками. Отлитая из тысячи двухсот русских и австрийских пушек, отбитых Наполеоном в разных сражениях, Вандомская колонна в ее центре была одной из главных примет Парижа. Вверх по колонне вился барельеф, изображающий эпизоды наполеоновских войн.

Сейхан обернулась и принялась разглядывать пышно обставленную комнату, драпированную шелком и украшенную позолотой.

Похоже, я в «Ритце».

Она пришла в этот отель – парижский «Ритц» – на утреннюю встречу с одним историком, неким образом связанным с Гильдией. В недрах Гильдии явно что-то назревало, и все контакты Сейхан пребывали в смятении. Она знала: в такие моменты крепко запертые двери на миг распахиваются, а охрана теряет бдительность. В общем, идеальное время, чтобы выполнить задание. Образно говоря, она нырнула слишком глубоко, толкнула слишком сильно и потому рисковала засветиться.

Ее рука осторожно коснулась ошейника, затем спустилась ниже.

Так оно и случилось.

Эту встречу ей устроил один из ее доверенных контактов. Но, похоже, доверие имело свою цену. Она встретила с историком внизу, в знаменитом баре «Хемингуэй», названном в честь прославленного американского писателя. Историк сидел за боковым столиком с бокалом «Кровавой Мэри» в руках – кстати, своим рождением напиток обязан этому заведению. Рядом на свободном стуле стоял черный кожаный портфель, не иначе как с обещанными секретами.

Сейхан заказала себе лишь воду. Но все равно это было ошибкой.

Даже теперь во рту ощущался неприятный ватный вкус, голова была тяжелой, как с похмелья.

Сейхан уже приготовилась пересечь комнату, когда ее внимание привлек стон, донесшийся из ванной. Она тотчас отругала себя за то, что не проверила все помещения сразу, как только проснулась. Впрочем, это упущение она списала на действие наркотика.

Эта ошибка больше не повторится. Бдительность превыше всего.

Двигаясь бесшумно и быстро, Сейхан прошла через комнату и схватила со столика пистолет в кобуре. Затем подкралась к двери, потрясла рукой, высвобождая пистолет, бесшумно сбросила на ковер кобуру и прислушалась.

Раздался второй стон, на этот раз громче, чем первый. В следующий миг, с пистолетом наголо, Сейхан ворвалась в ванную и обвела глазами небольшую комнату. В облицованном мрамором помещении никого не было – ни возле раковины, ни возле туалетного столика.

Затем над ванной появилась чья-то костлявая, вся в татуировках рука и слабо помахала туда-сюда, как будто ее обладатель тонул. Затем тощие пальцы нащупали позолоченный кран в виде лебедя и крепко в него вцепились.

Сейхан подошла ближе. Используя кран в качестве опоры, перед ней возник тощий рыжеволосый парень лет восемнадцати. Выглядел он безобидно – кожа да кости, сплошные ребра, локти и колени. Однако Сейхан не стала рисковать без нужды и навела пистолет прямо на его голую грудь. Наконец он тоже ее заметил и удивленно вытаращил глаза – то ли по причине ее частичной наготы, то ли при виде нацеленного на него дула. Татуированный юноша тотчас юркнул назад в ванну и поднял руки над головой, как будто собрался уползти вверх по мраморным стенам.

На нем были лишь боксерские трусы и ошейник из нержавеющей стали. Как и у нее.

Как и ей, ошейник явно стискивал ему горло, потому что парень схватился за горло.

– Нет! – предостерегла его по-французски Сейхан.

Но парень в ужасе попытался освободить шею. Зеленый огонек моментально сменился красным. Парень передернулся и, подскочив в воздух примерно на фут, снова свалился в ванну. Сейхан успела подскочить к нему и подставить руку, чтобы он не ударился головой о твердый мрамор. При этом ей разрядом пронзило ладонь.

Ее действия были продиктованы отнюдь не альтруизмом. Парень был в таком же положении, что и она сама. Возможно, он знает больше о том, что случилось с ними обоими. Парень дернулся еще раз и обмяк. Сейхан подождала, когда он снова откроет глаза. Затем встала и отошла в сторону. Поняв, что он не представляет для нее угрозы, она опустила пистолет.

Тяжело дыша, юноша осторожно принял сидячее положение. Его била мелкая дрожь, пока он постепенно приходил в себя после удара током. Кстати, он оказался выше ростом, чем ей показалось сначала. Примерно шести футов, но тощий, как рельс, но не костлявый, а, скорее, гибкий. Длинные, до плеч, волосы, небрежно подстриженные. В татуировках не только руки, но и спина и плечи, украшенные парой темных, распростертых крыльев. Грудь чистая, без всяких наколок, что-то вроде нетронутого холста, который еще ждет своего художника.

– Comment tu t'appelles? – по-французски спросила Сейхан, присев на стульчак унитаза. – Как тебя зовут?

– Je m'appelle Renny... Renny MacLeod, – тяжело дыша, ответил юноша.

Он произнес эти слова – «меня зовут Ренни... Ренни Маклеод» – по-французски, но с типично шотландским акцентом.

– Ты говоришь по-английски? – спросила Сейхан.

Юноша кивнул и облегченно вздохнул.

– Угу. Что происходит? Где я?

– Ты в беде.

Ренни Маклеод растерянно посмотрел на нее.

– Что последнее ты запомнил? – спросила Сейхан.

– Я был в пабе, – неуверенно ответил он. – На Монпарнасе. Кто-то принес мне пинту пива. Всего одну. Я не принимал никакой наркоты... честно... ничего подобного, но это было последнее, что я запомнил. Потом очнулся здесь.

Значит, его тоже опоили каким-то зельем. Принесли сюда и, как и ей, надели ошейник. Но зачем? Что это за игра?

Зазвонил телефон, и пронзительный этот звонок эхом отлетел от кафельных стен.

Сейхан обернулась, подозревая, что сейчас получит ответы на свои вопросы. Она встала и вышла из ванной. Шлепанье босых ног по мраморному полу подсказало ей, что юноша внимательно слушает. Она взяла трубку с аппарата на прикроватном столике.

– Значит, вы оба очнулись, – произнес по-английски голос на том конце линии. – Отлично. Время не ждет, его остается все меньше и меньше.

Сейхан узнала этот голос. Он принадлежал доктору Клоду Бопре, историку из Сорбонны. Она представила себе подтянутого седовласого француза, сидевшего напротив нее в баре «Хемингуэй». На нем был потертый твидовый пиджак, однако истинная сущность этого человека таилась не в покрое костюма, а в аристократических манерах, в которые он кутался, словно в дорогой плащ. Сейхан предположила, что некогда его предки носили дворянские титулы: бароны, маркизы или виконты. Но это было давно. Возможно, он потому и стал историком, чтобы хотя бы так вернуть себе некогда блистательное прошлое.

Утром Сейхан встретила с ним, надеясь купить у него документы, касающиеся истинных лидеров Гильдии, однако обстоятельства явно изменились.

Неужели он вычислил, кто я такая? Если это так, то почему я до сих пор жива?

– Мне нужны ваши уникальные способности, – объяснил историк, как будто прочитав ее мысли. – Я приложил немалые усилия, чтобы выманить вас в Париж, соблазнил возможностью получить ответы на нужные вам вопросы. Вы едва не опоздали.

– Так, значит, это была ловушка?

– Нет, вовсе нет, мадемуазель. У меня действительно есть документы, которые вам нужны. Как и вы, я воспользовался неразберихой, царящей среди ваших нанимателей – ваших прошлых, моих настоящих, – чтобы заполучить документы, за которыми вы охотитесь. Сейчас я просто обговариваю цену.

– И какова ваша цена?

– Я хочу, чтобы вы нашли и освободили моего сына прежде, чем его убьют.

Сейхан с трудом поспешила за его словами.

– Вашего сына?

– Его зовут Габриель Бопре. Он подпал под чары одного соотечественника и члена нашей организации, личности в высшей степени омерзительной. Этот человек – глава тоталитарной секты, по-французски она называется l'Ordre du Temple Solaire.

– Орден Храма Солнца, – вслух перевела Сейхан.

При упоминании этого названия лицо Ренни как будто окаменело.

– Oui, – произнес в трубке голос Клода Бопре. – Десять лет назад эта секта привлекла к себе внимание серией самоубийств в двух деревнях в Швейцарии и еще одной – в канадском Квебеке.

Членов этой секты находили мертвыми – они сами принимали яд или смертельную дозу наркотика. Одно место было подожжено в последнем ритуале очищения. После этого многие поверили, что секта прекратила существование, но на самом деле она лишь ушла в подполье, служа новому своему хозяину – Гильдии.

Бывшие хозяева Сейхан часто использовали подобное безумие в собственных интересах, направляя вспышки насилия в нужное им русло.

– Однако у нового главы секты – Люка Веннара – далеко идущие планы. Как и мы, он намерен использовать нынешнее ослабление Гильдии для того, чтобы самоутвердиться, посеять в моем прекрасном городе хаос. По одной только этой причине его нужно остановить. Что еще хуже, он заморочил голову моему сыну. Каких только сказок он ему не наговорил: и о якобы еще существующем Ордене тамплиеров, и о священном предназначении секты прислуживать новому богу-королю – вроде самого Веннара, и о кровавом преобразении человечества, которое потребует огня и жертвоприношений. Особенно человеческих жертвоприношений. Как сказал мой сын до своего исчезновения, «новая великая чистка возвестит миру о рождении нового короля-солнца».

– И когда это должно произойти? – спросила Сейхан.

– Сегодня в полдень, когда солнце достигнет зенита.

Сейхан бросила взгляд на каминные часы. Остается меньше двух часов.

– Вот поэтому я и принял экстраординарные меры, чтобы гарантировать ваше сотрудничество. Ошейники призваны не только наказывать, но и приспособлены для убийства. Попробуйте покинуть пределы Парижа, и вы встретите самую мучительную смерть. Посмейте не найти и не освободить моего сына – и вас ждет то же самое.

– И если я соглашусь... если мне удастся?..

– Вы получите свободу. Клянусь вам. И в качестве платы за ваши старания я отдам нужные вам документы.

Сейхан задумалась над его предложением. Впрочем, думать долго не пришлось. Ей остается одно – идти на сотрудничество.

Ей было понятно, почему Клод Бопре надел на нее смертоносный ошейник и превратил ее в гончую. Он не осмелился сообщить Гильдии то, что узнал от сына.

Гильдия вполне может позволить Веннару совершить ужасное жертвоприношение, более того, обратить его себе на пользу. Для бывших хозяев Сейхан хаос был благоприятен, даже желателен, ибо позволял добиваться целей. Или же они решат устранить Веннара из-за его спеси и непокорности? И в том, и другом случае Габриель Бопре обречен на смерть. Неудивительно, что его отец ищет помощников вне своего обычного окружения.

– А что это за парень? – спросила Сейхан, посмотрев на Ренни Маклеода. У нее никак не получалось втиснуть этот фрагмент в уже почти сложенную мозаику.

– Он – ваш проводник и ваша карта.

– Что вы хотите этим сказать?

Ренни, должно быть, уловил внезапный интерес к своей персоне и заметно побледнел.

– Посмотрите на его спину, – приказал Бопре. – И спросите его про Жоли.

– Кто такая Жоли?

Услышав эти слова, парень вздрогнул, как удара под дых. Правда, на этот раз его лицо не побледнело, а побагровело. Он бросился к Сейхан, намереваясь вырвать у нее телефонную трубку.

– Что этому ублюдку известно о моей Жоли?! – выкрикнул он.

Прижимая трубку к уху, Сейхан сделала шаг в сторону и, оттолкнув Ренни свободной рукой, повалила его лицом вниз на кровать и придавила ему поясницу коленом. Изрыгая ругательства, Маклеод попытался высвободиться.

– Лежи тихо! – приказала Сейхан, еще крепче прижимая колено к его спине. – Кто такая Жоли?

Ренни повернул вбок голову и одним глазом сердито посмотрел на нее.

– Моя подруга, она пропала два дня назад. Она искала секту под названием «Храм Солнца». Я был в том пабе вчера вечером, пытаюсь набрать поисковую партию из числа *катафилов*.

Сейхан не знала этого слова. Интересно, что оно значит? Однако прежде чем задать вопрос, она посмотрела на обнаженную спину молодого шотландца. Ей впервые представилась возможность хорошенько изучить его татуировки.

Черной, желтой и красной тушью на спине была вытатуирована странная карта – правда, не карта городских улиц и площадей. Это своеобразное произведение искусства в мельчайших подробностях являло собой сложную сеть тоннелей, подземных камер и водоемов. Скорее, это был план некой затерянной системы подземных ходов. Было ясно, что это незаконченная работа – отдельные проходы неожиданно обрывались на краях татуировки.

– Что это? – спросила Сейхан.

Ренни понял, к чему прикован ее взгляд.

– Там исчезла Жоли.

Клод все еще оставался на линии и пояснил более точно:

– Это карта парижских катакомб, наш некрополь, город мертвых.

Через пятнадцать минут Сейхан уже завела двигатель мотоцикла и по двенадцатирочному мосту Понт-Неф, возведенному еще в Средние века, устремилась вперед. Лихорадочно лавируя в потоке уличного движения, она полетела к левому берегу Сены в сторону Латинского квартала.

За ней, обхватив ее обеими руками за талию, сидел Ренни. Когда же Сейхан, съехав с моста, на всей скорости свернула в лабиринт городских улиц, он вцепился в нее еще крепче.

Она даже не сбросила скорость. Дорога была каждая минута. Отпущенное им время неумолимо истекало.

– Следующий поворот направо! – крикнул ей в ухо Ренни. – Проезжай четыре квартала. Дальше пойдем пешком.

Сейхан послушно выполнила его команду. Другого проводника у нее не было.

Через несколько секунд они оказались на улице Муфтар, старинной пешеходной улице, узкой и извилистой, петлявшей по всему Латинскому кварталу.

Здания по обеим сторонам были возведены много веков назад. Их нижние этажи занимали кафе, булочные и закусочные, где подают сыр и блинчики. На каждом шагу – палатки зеленщиков. Торговцы громко расхваливали свой товар, покупатели не менее шумно торговались.

Сейхан протискивалась сквозь толпы людей, мимоходом обращая внимание на грифельные доски с написанным мелом меню у дверей кафе, огромные караваи хлеба в магазинных витринах. Голову кружили пряные запахи сыров на прилавках, ароматы корзин с цветами, выставленных прямо на мостовую.

И все это время она помнила о том, что покоится внизу, под землей, – о гигантском обветшавшем от времени некрополе, хранилище останков шести миллионов парижан, что в три раза превышало число обитающих наверху жителей города.

Ренни неумолимо двигался вперед на длинных ногах. Его тощее тело легко проникало сквозь нескончаемую людскую массу. Он постоянно оглядывался, дабы убедиться, что не потерял свою спутницу.

В отеле Ренни нашел в шкафу свою одежду: потрепанные джинсы, ботинки армейского образца и красную рубашку, придававшую ему сходство с легендарным Че Геварой. Чтобы спрятать стальные ошейники, они с Сейхан обмотали себе горло шарфами.

Пока они одевались, Сейхан обрисовала молодому шотландцу ситуацию, пояснив, что их жизни зависят от того, удастся ли им освободить пропавшего сына Клода Бопре. Ренни внимательно ее выслушал, задав всего несколько вопросов. В его глазах она заметила проблеск надежды, пришедший на смену страху. Сейхан подозревала, что его решительная поступь вызвана не столько страхом за себя, сколько страхом за жизнь девушки по имени Жоли.

Прежде чем надеть рубашку, Ренни смущенно указал на свою правую лопатку, точнее, ее нижнюю часть. Этот уголок карты был явно сделан недавно: кожа в этом месте была красной и воспаленной.

– Это место обнаружила Жоли. Она исчезла, отправившись сюда.

Туда же в данный момент направлялись и они. Это единственное, что им оставалось – следовать по стопам исчезнувшей девушки.

Клод Бопре был уверен, что местонахождение Жоли имеет некую важность. Девушка пропала в тот же день, когда он видел сына в последний раз. Прежде чем исчезнуть, Габриель намекнул отцу, что Веннар и другие члены секты собираются совершить некий очистительный ритуал, который должен состояться где-то под землей. Когда Клод Бопре услышал о том, что Ренни собирается на поиски своей пропавшей девушки, он тотчас же взялся, так сказать, переставлять шахматные фигуры. Так он свел вместе безобидного проводника и наемную убийцу.

Теперь оба были неразрывно связаны общей целью и направлялись к тайному входу в катакомбы. Ренни поделился со своей спутницей всем, что знал о подземной сети усыпальниц-крипт и тоннелей. Рассказал о том, что темные миры, расположенные под Городом Света, некогда были древними каменоломнями и называются по-французски *les carrières de Paris*. Разветвляясь во все стороны, они уходили под землю на глубину десятиэтажного дома, образуя двести миль извилистых ходов и подземных камер. Ранее каменоломни находились за пределами Парижа, на далеких окраинах, но со временем французская столица разрослась над старыми лабиринтами, и теперь над заброшенными штольнями располагалась половина города.

Затем, в XVIII веке, городские власти приказали ликвидировать стремительно разросшиеся парижские кладбища. Миллионы человеческих скелетов, возраст некоторых насчитывал около тысячи лет, были бесцеремонно ссыпаны в тоннели каменоломен и, рассортированные на отдельные кости, уложены штабелями. По словам Ренни, глубоко под землей оказались останки многих знаменитых исторических деятелей: от королей династии Меровингов до знаменитых личностей времен Великой французской революции, от Хлодвига до Робеспьера и Марии-Антуанетты.

Правда, их целью был отнюдь не поиск мертвецов далекого прошлого.

Наконец Ренни свернул с оживленной улицы и нырнул в узкий переулок между кофейней и кондитерской.

– Сюда! Вход, о котором я говорил, там, впереди. Мои товарищи *катафилы* должны были оставить нам инструменты. Мы всегда помогаем друг другу.

Переулок оказался таким узким, что пришлось идти гуськом. Упираясь он в небольшой дворик, окруженный старинными зданиями. Некоторые окна были забиты досками, другие все еще сохраняли признаки жизни – то скулящий щенок за стеклом, то бельевая веревка с вывешенным на просушку тряпьем, то чье-то лицо, выглянувшее из-за занавески.

Ренни подвел Сейхан к крышке люка в темном углу двора. Из-за мусорного бака он вытащил ломик и две шахтерские каски с прикрепленными спереди лампочками. Потом указал на мусорный бак.

– Они оставили нам пару фонариков.

– Твои *катафилы*?

– Они самые. Мои товарищи, исследователи парижских подземелий, – ответил Ренни с ноткой гордости и сочным шотландским акцентом. – Здесь собираются единомышленники со всех уголков мира, люди самых разных профессий. Некоторые из них исследуют старые линии метро или канализацию, другие ныряют с аквалангом в заполненные водой пустоты. Но большинство – вроде нас с Жоли – ищут новые ходы, еще не нанесенные на карты.

Юноша замолчал и сторбился, как будто на его плечи тяжким грузом легла тревога за судьбу пропавшей подруги.

– Давай откроем люк! – поторопила его Сейхан.

Она помогла Ренни открыть крышку люка и сдвинуть ее в сторону. Металлическая лесенка, крепившаяся к стене шахты, уходила вниз, в темноту. Ренни надел каску.

Сейхан взяла один из фонариков и осветила в темные глубины штольни.

– Этот вход ведет вниз, к участку заброшенной канализационной системы, сооруженной еще в середине девятнадцатого века, – пояснил Ренни, начав спускаться вниз по лесенке.

– Канализации? Я думала, что мы отправляемся в катакомбы.

– Мы туда и отправляемся. Канализационные трубы, подвалы, старые колодцы – все это часто ведет в старинные катакомбы. Спускайся, я покажу тебе, что там.

Ренни спускался все ниже и ниже. Сейхан последовала за ним. Она ожидала, что окажется в зловонной трубе, но внизу пахло лишь плесенью и сыростью. Они спустились на глубину примерно в два этажа. Наконец ощутив под ногами твердую поверхность, Сейхан осветила вокруг себя лучом фонарика. Низкий потолок и стены, сложенные из каменных блоков со следами извести. Под ногами что-то чавкнуло – как оказалось, неглубокий ручей.

– Здесь! – произнес Ренни и повел ее дальше по тоннелю с уверенностью дрессированной крысы.

Через тридцать ярдов справа обнаружилась решетчатая дверь. Ренни подошел к ней и потянул на себя. Дверные петли натужно закрипели.

– Теперь нам сюда.

Грубо вытесанные ступеньки уходили дальше в темноту и вскоре привели их в небольшой подземный зал. От неожиданности Сейхан ахнула. Стены были разрисованы изображениями буйно разросшегося сада с цветами и деревьями посреди рек и озер с лазурной водой. Это было равносильно тому, как если бы вы шагнули прямо в картину Клода Моне.

– Добро пожаловать в истинный вход в парижские катакомбы! – торжествующе объявил Ренни.

– Кто все это сделал? – спросила Сейхан, скользнув лучом фонарика по участкам стены, испещренным всевозможными граффити.

Ренни пожал плечами.

– Кто только не спускается сюда! Художники, любители острых ощущений, грибки... Пару лет назад *катафлики* – так в Париже называют полицейских, патрулирующих подземелья, – нашли здесь что-то вроде огромного кинозала с большим экраном, автоматом для попкорна и вытесанными из камня сиденьями. Когда они вернулись сюда на следующий день, все это уже куда-то исчезло. На полу осталась лишь надпись «Не пытайтесь найти нас». Это подземный мир Парижа. Огромные его участки до сих пор остаются неисследованными. Они либо обрушились, либо давно утрачены. *Катафилы* вроде меня и моих друзей пытаются заполнить белые места на картах. Наносят на них пройденные маршруты, отмечают все, даже самые мелкие, находки.

– Как на твоей татуированной карте?

– Это была идея Жоли, – пояснил Ренни с печальной улыбкой. – Она художник по татуировкам. Причем классный. Она решила обессмертить наше совместное путешествие по подземельям.

Он снова умолк, правда, ненадолго.

– Я познакомился с ней здесь, под землей, недалеко от этого места. Мы с ней жутко перепачкались в грязи. Мы обменялись телефонами при свете фонариков.

– Расскажи мне о том дне, когда она исчезла.

– Мне надо было идти на занятия. У нее же был выходной, и она ушла в катакомбы вместе с другой девушкой, ее зовут Лизль, она из Германии. Фамилии я не знаю. Они спустились в подземелье, привлеченные слухами о том, будто в подземельях появились какие-то люди. Что-то вроде тайной группы.

– Орден Храма Солнца?

– Точно, – сказал Ренни и задрал на спине рубашку. – Чуть ниже шеи видно отмеченное цветком помещение.

Посветив фонариком, Сейхан присмотрелась к татуированной карте. В указанном месте действительно виднелась крошечная кельтская роза. Сейхан легонько потрогала ее пальцем.

Ренни зябко поежился.

– Сейчас мы здесь. Мы пойдем по карте Жоли к тому месту, которое нанесено совсем недавно. Туда же направлялась и она. Она нашла вход в забытый участок лабиринта, но едва приступила к его изучению, как до нее дошли слухи о появлении в подземельях Храма Солнца. – Ренни опустил рубашку и показал на тоннель. – Я знаю на память большую часть пути, но когда мы подойдем ближе к цели, мне потребуется помощь.

С этими словами он шагнул в темный лабиринт и зашагал по извилистым тоннелям через небольшие залы мимо заполненных водой ям. Мокрые известняковые стены сочлились влагой. То там, то здесь на поверхности стен виднелись окаменелости. Некоторые из них были очищены и отполированы предыдущими поколениями *катафилов*, чтобы были лучше видны. Казалось, будто доисторическое прошлое пыталось вырваться наружу из толщи камня.

Чем дальше они шли, тем холоднее становилось в подземелье. Вскоре Сейхан заметила, что изо рта у нее вырываются облачка пара. Гулкое эхо шагов отлетало от стен, отчего казалось, будто их кто-то преследует. Она то и дело останавливалась и оборачивалась назад.

Вскоре Сейхан уловила в проводнике нетерпение.

– Вряд ли мы здесь кого-то найдем. Даже *катафлики* редко суют сюда нос, в эту заброшенную часть подземелья. К тому же недавно сообщалось об утечке газа рядом с общедоступной частью катакомб. Они были закрыты на целых три дня.

Сейхан кивнула и в очередной раз сверилась с «живой картой». Похоже, они были совсем рядом с недавно открытой секцией.

– Если я правильно понимаю, вход, открытый твоей подругой, находится вон в том проходе, – Сейхан указала на узкий тоннель и посмотрела на часы.

У них в запасе семьдесят две минуты.

Сейхан ускорила шаг, выискивая взглядом боковой коридор, отмеченный на «кожаной карте».

– погоди! – неожиданно крикнул шагавший сзади Ренни.

Сейхан обернулась. Юноша опустился на колени перед какой-то кучей камней. Она же только что прошла мимо этой груды обломков, не обратив на нее внимания...

Ренни направил луч каски на нарисованную на стене мелом стрелу.

– Это вход. Жоли всегда пользуется розовым мелом.

Подойдя ближе, Сейхан разглядела рядом с камнями тесный тоннель с низким потолком. Ренни опустился на четвереньки. Сейхан последовала его примеру. Еще несколько ярдов и пара небольших спусков, и они попали в другой тоннель.

Выпрямившись, Сейхан увидела новые штольни и узкие боковые проходы, расходящиеся в разных направлениях.

Ренни приложил ладонь к влажной известняковой стене.

– Это явно очень старый участок катакомб. Здесь начинается древний лабиринт. – Он обернулся и задрал рубашку. – Сверимся с картой.

Сейхан так и сделала, но край карты обрывался как раз в том самом месте, где они сейчас стояли. Они быстро осмотрели входы в другие тоннели, но не нашли никаких оставленных розовым мелом указателей.

Похоже, что дальше им придется двигаться на свой страх и риск.

– Что будем делать? – спросил Ренни. В его голосе слышалась тревога за судьбу пропавшей подруги. – Куда пойдём?

Наугад выбрав один из тоннелей, Сейхан зашагала вперед.

– Почему именно сюда? – спросил ее Ренни, хотя и поспешил следом. – Почему не в другую сторону?

Вообще-то она выбрала это направление неслучайно. Причина на это имелась. Дело в том, что только этот проход вел вниз. Ей уже было ясно, что исследователей, как магнитом, влекли самые нижние уровни. Движимые любопытством, они стремились проникнуть все глубже и глубже в запутанный лабиринт катакомб. Лишь достигнув самого дна, они начинали снова двигаться вверх.

Похоже, Жоли была из той же породы исследователей.

Увы, сделав всего несколько шагов, Сейхан пожалела о своем выборе. С обеих сторон тянулись бесчисленные ниши, плотно забитые человеческими останками, костями и черепами, желтыми от времени, словно старинный пергамент. Скелеты были разобраны на части, которые кто-то распределил по отдельности, как будто некий жуткий аудитор проводил здесь ревизию. В одной нише, уложенные аккуратными штабелями, лежали исключительно руки, другая была заполнена ребрами. Но больше всего Сейхан напугали две последние ниши по обеим сторонам коридора. Здесь со стен пустыми глазницами смотрели черепа, как будто осуждая тех, кто осмелился потревожить их вечный покой. Стараясь сдержать дрожь, Сейхан поспешно зашагала дальше.

Наконец тоннель закончился просторным залом. Хотя потолок здесь оказался не выше, чем в коридоре, сам зал был большим, длиной с футбольное поле. Его своды подпирали ряды колонн, чем-то напоминая каменный сад. Эти колонны были устроены из каменных обломков, положенных друг на друга. Часть из них была поставлена криво, от чего казалось, что они вот-вот рухнут.

– Это давняя работа Шарля Гийомо, – пояснил Ренни несколько нервным тоном. – В тысяча семьсот семьдесят четвертом году главная часть катакомб обрушилась, унеся под землю несколько улиц и забрав с собой много народу. После этого король Людовик поручил зодчему Гийомо укрепить парижские подземелья. Так Гийомо стал первым *катафилом*. Он составил карты и исследовал большую часть тоннелей и велел подпереть своды вот этими колоннами. Правда, обрушения продолжались. В тысяча девятьсот шестьдесят первом году под землю ушел целый парижский квартал. Имелись даже человеческие жертвы. Обрушения случаются и по сей день. Там, внизу, очень опасно.

Сейхан слушала его рассказ вполуха.

Ее внимание привлек мерцающий свет, исходящий от одной из колонн. Он был слишком ярким для этого темного, безрадостного места. Сейхан подошла ближе и обнаружила, что

каменная колонна обмотана проволокой, чьи концы соединяли передатчики и капсулы-детонаторы с комками вещества, похожего на желто-серую глину. Пластиковая взрывчатка С4.

Нет, французский архитектор XVIII века здесь явно ни при чем.

Старясь ни к чему не прикасаться, Сейхан внимательно рассмотрела взрывное устройство. Маленький красный светодиод передатчика продолжал ритмично мигать, ожидая сигнала. Она закрыла рукой фонарик и жестом велела Ренни сделать то же самое с лампочкой на его каске.

Помещение погрузилось во тьму. Как только глаза приспособились к темноте, Сейхан стали видны мерцающие огоньки сигнальных устройств, разбросанных по всему помещению. Их были сотни, практически на всех колоннах, подпирающих своды подземелья. Вывод неутешительный: подземелье основательно заминировано.

– Что это такое? – шепотом спросил Ренни.

– Думается, очистительный ритуал Веннара, – предположила Сейхан, представив себе беззаботный город, ничего не ведающий об уготованной ему участи.

Интересно, сколько еще может быть под Парижем таких помещений, напичканных взрывчаткой? Ей вспомнились слова Ренни про утечку газа. Какая хитрая уловка! Она позволила зловещей секте беспрепятственно разместить заряды по всему подземному миру.

Ренни, похоже, опасался того же самого. Его голос сделался мрачным.

– Они могут обрушить под землю половину Парижа.

Клод Бопре утверждал, что Веннар жаждал человеческих жертвоприношений, чтобы возвестить о рождении в огне и крови нового короля-солнца. Получается, что его план готов к осуществлению.

Прикрыв рукой фонарик, Сейхан решила, что глаза неплохо приспособились к темноте. По крайней мере, ей было видно тусклое свечение на другом конце подземного зала, которое отмечало вход в тоннель на дальней его стороне.

Вытащив пистолет и держа его перед собой, Сейхан зашагала к нему, во второй руке сжимая фонарик. Она позволила себе лишь тоненький лучик, чтобы нечаянно не налететь в темноте на препятствия. Отключив лампочку на каске, Ренни следовал за ней.

Дальний тоннель располагался ровно напротив первого. Ниши, заполненные костями. Разломанные скелеты, части которых разложены по отдельности. Правда, эти кости были белыми, без патины времени. Сейхан с ужасом поняла, что эти останки совсем недавние, свежие – скорее всего, результаты недавних убийств.

Одна ниша, глубиной около ярда, была до отказа забита черепами. Похоже, зловещий «конвейер» работает без остановки. Судя по маленьким размерам, черепа принадлежали детям, возможно, даже младенцам, сделала вывод Сейхан.

Прежде чем закончить телефонный инструктаж, Клод Бопре рассказал о гнусном деянии главы Храма Солнца из Квебека. Он принес в жертву собственного сына, пронзив его заостренным колом, якобы за то, что ребенок этот – Антихрист.

Похоже, жажда детоубийства не ограничивалась этим мерзким случаем в Канаде.

Сделав еще один поворот, тоннель закончился. Впереди слышались голоса. Их обладатели, видимо, находились в соседней пещере. Сейхан жестом приказала Ренни отступить назад. Сама она, прижимаясь к стене, шагнула вперед и выглянула за угол. Еще один зал, размерами поменьше, но с такими же колоннами из известняка, оставленными безвестными каменотесами. Эти колонны придавали помещению вид древнего храма. Однако, как и в соседнем зале, колонны здесь также были «украшены» взрывными устройствами.

В центре зала Сейхан разглядела два десятка человек. Опустившись на колени, они стояли кругом. Все как один в обычной, уличной одежде. Одна пара, стоявшая под руку, была одета словно как для вечернего приема. Некоторые из присутствующих явно находились под действием наркотиков. Они тупо раскачивались или прижимались лбами к полу.

Ближе к тоннелю, в котором пряталась Сейхан, лежали три распростертых тела, под которыми, темнея на фоне каменного пола, растекались лужи крови. Судя по всему, их убили выстрелами в спину, как если бы они пытались бежать, раздумав умирать в этой кошмарной оргии самоубийств.

По обе стороны зала, в отбрасываемой колоннами тени, стояли пара охранников в кевларовых жилетах и с автоматическими винтовками в руках. Они наблюдали за участниками ритуала, готовые в любой миг «нейтрализовать» любых других дезертиров.

Сейхан перевела взгляд с охранников на две фигуры, стоявшие в центре круга. Один, с седыми волосами и галльскими чертами лица, был в каком-то белом одеянии, сверкавшем в свете, отбрасываемом натриевой лампой. До слуха Сейхан донеслось приглушенное тарахтение генератора, снабжавшего помещение электроэнергией. Человек в белом вскинул руки и благосклонно улыбнулся своей пастве.

Должно быть, это и есть Люк Веннар.

– Ближится решающий час, – произнес он по-французски. – Когда солнце достигнет зенита, начнется приготовленное здесь разрушение. Крики умирающих, взлетающие ввысь души мертвых вознесут вас всех к высотам следующего этапа бытия. Вы станете моими темными ангелами, а я займу солнечный трон. Обещаю вам, это не конец, а лишь начало для нас с вами. Сейчас я должен вас оставить, но мое место займет моя духовная правая рука и проведет вас сквозь тьму к началу новой, прекрасной эры.

С этими словами Веннар отошел в сторону, явно намереваясь покинуть свою паству. Судя по взгляду, который глава секты бросил двоим вооруженным охранникам, сам он не собирался присутствовать на ритуале очищения и наверняка договорился о том, чтобы те сопроводили его из подземелий наружу, на тот случай, если кто-то из паствы воспротивится его уходу. У Сейхан возникло подозрение, что деньги с банковских счетов этих несчастных давно перекечевали в сейфы Веннара, чтобы финансировать следующую его авантюру по вовлечению новых адептов, или же просто пойдут на покупку новой яхты, на которую он положил глаз.

Кто же он такой – лжепророк, мошенник или просто знаменитый серийный убийца?

Вспомнив пустые глазницы черепов, глядевших из соседней ниши, она предположила, что ответ на этот вопрос очевиден. И то, и другое, и третье.

Веннар взмахом руки пригласил подойти своего помощника. Это был мужчина лет тридцати пяти, в обычной уличной одежде, с блестящим от пота лицом и стеклянным взглядом, то ли от воздействия наркотика, то ли от фанатичного обожания. Даже без фотографии, оставленной Клодом Бопре в гостиничном номере, Сейхан узнала сына историка – по патрицианским чертам лица и по аристократической осанке, как и у отца. Она представила себе, как Бопре-старший потчует сына рассказами о былом дворянском величии их рода и потерянном наследстве, пичкая мальчишку теми же горькими надеждами на возвращение былого величия, которые двигали и им самим.

Но если отец искал утешения в объятиях исторической науки, то сын, по всей видимости, пылливо вглядывался в будущее, ища в нем собственный путь к былой славе их благородного имени.

И нашел он его здесь.

– Габриель, подобно твоему тезке архангелу, ты обратишься в кровавой купели жертвоприношения в моего ангела-воителя, который займет главное место в моем славном небесном легионе. И твоим оружием станет меч огненный!

Веннар распахнул плащ, обнажая короткий стальной клинок, похожий на музейный образчик холодного оружия.

– Как и ты, этот клинок скоро воспламенится мощью солнечной печи. Но сначала это оружие нужно выковать, подготовить к этому преобразению. Его необходимо окропить кро-

вью, как и всех вас. Эта последняя смерть вашей собственной рукой возвестит об очереди всех остальных. Этой чести я удостоиваю тебя, мой ангел-воитель Габриель!

Веннар поднял клинок выше и протянул его молодому человеку. Тот принял его и воздел над головой. Затем два человека отошли в стороны, открыв взгляду низкий алтарь. Там происходило свое действие. К камню цепями была прикована обнаженная черноволосая женщина. Ее ноги и руки были широко разведены в стороны. Вторая жертва, бледная блондинка в тонкой белой сорочке, стояла, дрожа, рядом с ней на коленях.

Голова женщины свешивалась с края алтаря. По всей видимости, она была одурманена наркотиками. Но, похоже, когда Габриель с клинком в руке повернулся к ней, она поняла или, точнее, почувствовала, что произойдет дальше, и попыталась освободиться от оков. Пока он стоял довольно далеко от нее, и с расстояния можно было разглядеть лицо будущей жертвы. Впрочем, татуировок на ее теле было достаточно, чтобы понять, кто это такая.

– Жоли!

Крик Ренни вылетел из тоннеля подобно выпущенной из арбалета стреле.

Все тотчас повернули головы в его сторону.

Не успела Сейхан пошевелиться, как к их тоннелю шагнула огромная фигура. Третий стражник. Он держался в стороне от тех двоих, зорко следя за тем, чтобы никто не убежал. Сейхан беззвучно выругала Ренни. Не имея времени для разработки стратегии, она была вынуждена импровизировать.

Прежде чем охранник вскинул винтовку, она выстрелила ему в колено. В тесном подземелье грянул выстрел. Пуля калибра 9 мм с такого расстояния превратила коленку охранника в месиво из крови и костей.

Раненый взвыл от боли и повалился на нее. Сейхан в прыжке подхватила его. Обхватив охранника одной рукой за шею, словно старого любовника, она втолкнула его внутрь зала. Прикрываясь им, вскинула вторую руку с зажатым в ней «ЗИГ-Зауэром» и прицелилась в охранника справа, который как раз вышел из-за колонны. Пуля попала ему в лицо.

Подземный зал огласился криками. Паства Веннара бросилась врассыпную, как перепуганный выводок куропаток. Последний охранник выстрелил в Сейхан, но та, прикрываясь его коллегой, как живым щитом, смело бросилась вперед. Пули попали в кевларовый жилет, но одна угодила ему в затылок. Мощное тело тотчас обмякло.

Не выпуская его, Сейхан сделал еще два шага, что позволило ей укрыться за колонной. Отсюда она, дважды нажав на спусковой крючок, выстрелила в третьего охранника. Первая пуля угодила ему в ухо, и он запрокинул голову. Второй выстрел попал ему в горло, и он рухнул на пол.

Она бросила «живой щит» и, заняв стойку профессионального стрелка, навела пистолет на алтарь, за которым поспешил спрятаться Веннар. Габриель, все еще туго соображавший и неповоротливый под действием наркотика, выглядел сбитым с толку. Клинок в его руке был по-прежнему прижат к горлу прикованной цепями женщины. Из пореза на коже показались капельки крови.

Вторая жертва, приготовленная на заклятие, вскочила на ноги и бросилась к Сейхан. Та жестом указала молодой блондинке на выход из зала. Увы, слишком поздно она заметила нож в руке светловолосой девушки. С криком ярости блондинка накинулась на нее.

Не имея возможности вовремя увернуться, Сейхан лишь немного отклонилась, готовая принять удар в плечо, лишь бы избежать ранения более важных органов.

В этом не было необходимости.

Не успел нож вонзиться в плечо Сейхан, как над ней пролетело нечто круглое и попало блондинке прямо в лицо. Гладкий и белый череп упал на пол и откатился в сторону. Сейхан краем глаза успела заметить бегущего Ренни со вторым черепом в руке. Он воспользовался единственным доступным оружием, выхватив его из ниши.

Его бросок заставил блондинку пошатнуться и затормозить. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Сейхан повернула пистолет и выстрелила ей в грудь. Выстрел отбросил нападавшую назад, и она полетела на пол. Ее белая сорочка окрасилась кровью.

Подбежав ближе, Ренни схватил с пола автоматическую винтовку, но, судя по тому, как неуклюже он взял ее в руки, с черепом в качестве оружия юноша обращался не в пример ловчее. Ренни посмотрел на убитую блондинку, и на его лице появилось недоуменное выражение. Причина его растерянности выяснилась секундой позже.

– Лизль! – крикнул Габриель, как будто очнувшись от наркотического дурмана.

Сейхан моментально узнала имя. Так звали девушку-немку, которую Ренни упомянул, рассказывая об исчезновении своей подруги. В тот день, когда исчезла Жоли, девушки вдвоем отправились исследовать подземелье. Теперь обстоятельства, связанные с этим событием, уже не казались случайными. Жоли не просто так наткнулась на участников готовящегося кровавого ритуала, ее заманили сюда специально, и сделала это Лизль. Она привела ее, как тельца на заклание, готовя на роль последней искупительной жертвы.

– Нет! – вскрикнул убитый горем Габриель. Не сводя глаз с окровавленного тела, он опустил на колени, и кинжал со звоном упал на алтарь.

Другие участники несостоявшейся церемонии устремились к тоннелю, бросив своего гуру. Но Веннар не собирался сдаваться так легко. Откуда-то из складок своего одеяния он вытащил нечто похожее на передатчик, на котором зловеще мерцал зеленый огонек, и приготовился нажать на кнопку.

– Если я нажму на эту кнопку, то вы все погибнете, – спокойно произнес он. Его голос прозвучал с гипнотической уверенностью, которая так легко убеждала легковверных. Оно обошел вокруг алтаря. – Дайте мне уйти. Если хотите, можете даже пойти следом за мной. Тогда все мы останемся живы.

Сейхан попятилась и жестом велела Ренни стать с ней рядом. Несмотря на грандиозные планы Веннара, самоубийцей он не был. Так что в данный момент, пожалуй, стоит принять его предложение. Он не станет взрывать катакомбы до тех пор, пока сам не выберется из-под земли.

Веннар смерил Сейхан пристальным взглядом, как будто пытаясь прочесть ее мысли. Опытный главарь секты должен обладать умением мгновенно просчитывать людей, заранее предугадывать их действия. Подталкивая Сейхан перед собой, он медленно, шаг за шагом двинулся к выходу.

– Ты хочешь жить так же, как любой из нас, Сейхан. Да, мне потребовалась всего секунда, чтобы узнать тебя. Насколько мне известно, ты всегда была благоразумной. Никому из нас не нужно погибать так...

В следующий миг из его груди выскочил кончик кинжала, вошедшего сзади ему прямо в спину.

– Мы все должны умереть! – взвизгнул Габриель, когда Веннар упал на колени. – Лизль не может взойти на небеса без настоящей жертвы. Огонь и кровь! Ты сам так сказал! Чтобы стать ангелами, как ты обещал нам!

Лицо Габриеля одновременно выражало безумие, скорбь и восторг. С этими словами он еще глубже вонзил кинжал в спину Веннара. Из рта главы Храма Солнца хлынула кровь.

Бросив пистолет, Сейхан подскочила к Веннару и обеими руками схватила передатчик. Ей повезло: она успела прижать палец к триггеру прежде, чем Веннар отпустил его. Теперь они смотрели в глаза друг другу, едва не соприкасаясь носами. В глазах Веннара читалось недоумение, шок и понимание.

В конечном итоге он пожал то, что сам же посеял.

Габриель крепче сжал рукоятку кинжала и толкнул Веннара в спину, чтобы высвободить клинок. Не удержав равновесия, под массой тела предводителя секты Сейхан упала навзничь.

Габриель вскинул над головой кинжал, намереваясь пронзить им Сейхан. Но в следующий миг к нему сзади подскочил Ренни и ударил по голове прикладом винтовки. Глаза Габриеля закатились, и он рухнул на пол.

– Что за безумный кретин! – произнес шотландец.

Затем он шагнул к Сейхан, чтобы помочь ей встать на ноги, но та жестом указала ему на алтарь.

– Освободи Жоли! – приказала она.

Ренни посмотрел на передатчик, который она крепко сжимала обеими руками.

– Все в порядке? Можно вздохнуть свободно?

Сейхан посмотрела на его шею, где под шарфом блеснул стальной ошейник.

– Пока еще нет.

* * *

Полуденное солнце повисло высоко у нее над головой. Сейхан ждала возле седана «Пежо-508», припаркованного перед отелем «Ритц». Машина была взята напрокат Клодом Бопре, чтобы отвезти их из Латинского квартала обратно в отель для новой встречи.

В качестве меры предосторожности Сейхан держала машину между собой и дверями отеля. Кроме того, она велела Ренни не уходить с Вандомской площади. Жоли находилась в безопасности в местной больнице, где ей зашили порез на шее. Ренни хотел остаться с ней, но Сейхан все еще нуждалась в его помощи.

Наконец двери отеля «Ритц» распахнулись, и на пороге возникли трое. В центре – Клод Бопре в привычном твидовом пиджаке, но на сей раз в низко надвинутой на лоб широкополой шляпе, чтобы остаться неузнанным. Как и Сейхан, он предпринял меры предосторожности, явно не желая, чтобы кто-то узнал, что он связан с наемной убийцей Гильдии, к тому же еще предательницей.

По обе стороны от него стояли два высоких крепыша в черных костюмах и длинных плащах, под которым наверняка скрывался целый оружейный арсенал.

Бопре удостоил ее лишь коротким кивком.

Сейхан обошла седан и шагнула ему навстречу. Она держала руки на виду, чтобы он видел, что с ее стороны нет никакой угрозы. Клод Бопре сделал знак сопровождающим, чтобы те остались у дверей отеля, а сам подошел к «Пежо». В руках у него был черный кожаный «дипломат» от Луи Вюттона.

От яркого света Бопре прищурился и прикрыл рукой глаза.

– Сейчас полдень, и с Парижем ничего не случилось. Из этого следует, что план Люка Веннара провалился. Значит, ритуал очищения не состоялся.

Сейхан пожала плечами. В данный момент в подземелье, скорее всего, полно полицейских, в том числе и минеров, демонтирующих зарядные устройства.

– Что с месье Веннаром? – спросил Бопре.

– Мертв.

На лице историка появилась удовлетворенная улыбка. Он выглянул в затемненное окно седана.

– Насколько я понял из вашего короткого звонка, вы спасли моего сына.

Сейхан подошла к задней части машины и нажала на ноль на серебристой эмблеме с цифрой 508 возле задней фары. Потайная кнопка открыла багажник.

Внутри, связанный скотчем по рукам и ногам и с кляпом во рту, зафиксированным его же шарфом, лежал Габриель Бопре. Пленник заморгал от яркого света, однако, увидев отца, попытался высвободиться.

Впрочем, Сейхан тотчас прервала воссоединение отца и сына, захлопнув крышку багажника. Не хватало, чтобы кто-нибудь из прохожих случайно заглянул в него. Похоже, Клод Бопре был того же мнения, ибо возражать не стал. Он явно не спешил освободить сына от пут в столь оживленном месте.

– Как вы видите, с Габриелем все нормально, – сказала Сейхан и продемонстрировала брелок дистанционного управления. – Вот ключ к его свободе.

Бопре потянулся за брелоком, но Сейхан отвела руку назад.

– Не так быстро.

Девушка оттянула воротник и показала ему ошейник у себя на горле.

– Как насчет этого? – спросила она и кивнула в сторону Ренни. – Меняемся ключами. Свобода вашего сына в обмен на нашу свободу.

– Да, да. Такова была сделка. Я человек слова. – Бопре сунул руку в карман и, достав электронный ключ от гостиничного номера, положил на капот машины. – В вашем номере вы найдете то, что поможет вам высвободиться.

Должно быть, он прочел в ее глазах недоверие и печально улыбнулся.

– Не бойтесь. Ваша смерть мне ни к чему. Более того, я собираюсь возложить смерть Веннара на ваши предательские плечи. Таким образом, я выгорожу себя, Гильдия же поведет охоту на вас. И чем быстрее вы скроетесь отсюда, моя дорогая, тем лучше будет для нас всех. Но в качестве дополнительного проявления моей доброй воли я, насколько мне помнится, обещал вам награду.

С этими словами Бопре положил на капот свой «дипломат» и нежно провел рукой по кожаной поверхности.

– Превосходное изделие от Вюттона. Марка *Président Classeur*. Оставляю его вам. – Он улыбнулся, заметив ее удивление. – Догадываюсь, что внутри находится нечто такое, что действительно стоит освобождения моего сына. Это ключ к разгадке личностей тех, кто тайно возглавляет Гильдию.

Он открыл «дипломат». Внутри оказалось несколько папок. Верхнюю украшал выгравированный на ней орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях оливковую ветвь и пучок стрел. Государственная печать Соединенных Штатов Америки.

Но какое отношение это имеет к Гильдии?

Защелкнув замки, Бопре подтолкнул «дипломат» к Сейхан.

– То, что вы намерены делать с содержащейся здесь информацией... куда она вас заведет... оставляю это на ваш собственный страх и риск, – предупредил Бопре. – Может, вам просто не стоит ввязываться в это дело.

Поздно.

Сейхан взяла «дипломат» и электронный ключ от номера. Затем, положив брелок на капот и держась на почтительном расстоянии от охранников Клода Бопре, шагнула на мостовую.

Историк даже не пошевелился, чтобы взять брелок. Вместо этого он осторожно положил руку на капот седана и закрыл глаза. С его плеч как будто свалился тяжелый груз. Он больше не член Гильдии. Он снова обычный отец, к которому вернулся его блудный сын.

Затем он сделал одному из охранников знак взять брелок и сесть за руль. Оба охранника заняли места впереди. Бопре опустил на заднее сиденье, как будто хотел быть ближе к сыну.

Сейхан подождала, пока «Пежо» отъехал от мостовой и покатил дальше.

Как только машина скрылась из виду, к Сейхан подошел Ренни.

– Ну, что, получили то, что хотели?

Сейхан кивнула, представив себе, какое облегчение только что испытал Клод Бопре. Ради безопасности сына он вряд ли станет рисковать. Так что пока она будет изучать бумаги, с ней ничего не случится. Это наверняка подлинные документы.

– Думаете, ему можно доверять? – спросил юный шотландец, потрогав шарф на шее.

– Посмотрим, – уклонилась от ответа Сейхан.

Глядя на противоположную сторону площади, Ренни снял кашемировый шарф, явив взгляду секрет, о котором Сейхан не стала говорить Клоду Бопре.

На шее Ренни не было никакого ошейника.

Маклеод потер багровый рубец на месте бывшего ожога.

– Как же хорошо без этой мерзости.

Сейхан была с ним согласна. Она поднесла руку к горлу, расстегнув, сняла свой и посмотрела на зеленый огонек светодиода. После смерти Веннара в ее распоряжении до полудня оказался лишний час. Воспользовавшись этим временем, Сейхан задействовала ресурсы Ренни. Ведь он уверял, что его друзья-катафилы происходят из разных стран мира и имеют самые разные профессии.

По ее указанию Ренни послал призыв о помощи, на который откликнулся один из братьев-катафилов, специалист в области электроники и нанотехнологий. Он сумел снять с них ошейники и обезвредил взрывной механизм на ошейнике Сейхан. Все это было проделано под землей, откуда Бопре не мог уловить никаких сигналов.

Освободившись от этой смертоносной штуки, Сейхан рискнула ознакомиться с содержимым «дипломата».

Она смотрела на ошейник, а в голове у нее звучал вопрос, не дававший покоя Ренни: можно ли доверять Клоду Бопре?

Ответ пришел через мгновение.

Зеленый огонек на ошейнике сменился красным: ага, получен радиосигнал. Но поскольку взрывной механизм нейтрализован, то опасности в этом нет. По крайней мере, для нее.

Затем вдалеке прогремел мощный взрыв, чье эхо прокатилось по всему городу. Посмотрев в том направлении, куда уехал седан, Сейхан увидела, как к ясному, безоблачному небу устремилось облако маслянистого дыма.

Похоже, доверять Клоду Бопре не следовало. Несмотря на его заверения, он счел опасным оставлять Сейхан в живых и нажал на кнопку, чтобы отправить ошейникам смертоносный сигнал. Лучше бы он этого не делал.

Она дала Бопре шанс поступить по справедливости. Он им не воспользовался.

Сейхан представила себе шарф, удерживавший во рту Габриеля кляп. Под кашемировой тканью был спрятан электронный ошейник Ренни. Сам кляп был сделан из похожей на пластилин взрывчатки, которую они извлекли из мин, размещенных в катакомбах по приказу Веннара. Ошейник был соединен с детонатором. Стоит его дернуть, как грянет взрыв. Сейхан высчитала, какое количество взрывчатки потребуется для подрыва машины и ее пассажиров, чтобы их разорвало на куски.

Сейхан вздохнула, не без сожаления. Хорошая была машина.

По-прежнему держа себя за горло, Ренни, раскрыв рот, наблюдал за растворяющимся в небе дымом. Наконец он оторвал взгляд от этого зрелища и повернулся к Сейхан.

– И что теперь?

Сейхан бросила браслет в уличную урну и взялась за ручку «дипломата». Ей вспомнились последние слова Клода Бопре, обращенные к ней: «То, что вы намерены делать с содержащейся здесь информацией... куда она вас заведет... оставляю это на ваш собственный страх и риск».

Глядя в сторону, она ответила на вопрос Ренни: «И что теперь?»
– Теперь начинается самое трудное.

Что правда, а что нет

В конце моих романов я люблю объяснять, что в них правда, а что вымысел. Я счел необходимым сделать то же самое и в конце этого рассказа.

Отель «Ритц»

Я никогда не был в нем, но все детали соответствуют действительности: от бара «Хемингуэй» (в котором придумали рецепт «Кровавой Мэри») до позолоченных водопроводных кранов в виде лебедя в ванной.

Орден Храма Солнца

Реальная секта апокалиптического характера, основанная в 1984 году Люком Журе и Жозефом Ди Мамбро. Первоначально она называлась «Международный орден рыцарей Солнечной традиции», позднее название сократилось до «Ордена Храма Солнца». Секта снискала себе сомнительную славу массовыми самоубийствами и человеческими жертвоприношениями, в том числе убийством в Квебеке малолетнего сына ее основателя.

Парижские катакомбы

Все мои описания соответствуют истине. Катакомбы тянутся на 180 миль, простираясь во все стороны разветвленной сетью тоннелей и подземных помещений под Городом Света, главным образом под южными кварталами Парижа на левом берегу Сены. История обрушения соответствует истине, так же как и рассказ о вечном противостоянии *катафилов* и *катафликов*.

И да, в катакомбах полно скелетов, причем многие из них – тысячелетней давности. В подземельях Парижа действительно много странных вещей – там на самом деле выращивают грибы, а стены пещер украшены причудливыми картинами. Исследователи постоянно находят в этом подземном мире новые входы, тоннели и залы. Не является вымыслом даже история о подземном кинотеатре.

«Пежо-508»

Да, багажник этой машины открывается именно так – нажатием на ноль в цифре 508 на эмблеме. Я не хотел взрывать эту машину. Но так заканчивается это приключение, за которым следуют события, описанные в романе «Дьявольская колония», появившемся на прилавках книжных магазинов 21 июня 2011 года. Документы, найденные в «дипломате» Клода Бопре, начнут цепочку событий, которые навсегда изменят отряд «Сигма» и даже ваши представления о рождении Америки.

Отрывок из романа «Дьявольская колония»

Историческая справка

Каждый школьник знает имя Томаса Джефферсона, автора Декларации независимости, человека, чьими стараниями разрозненные колонии Нового Света объединились, положив начало новой нации. За последние два столетия о нем написаны многочисленные тома, но из всех отцов-основателей Америки именно он по сей день остается самой загадочной и противоречивой фигурой.

Например, зашифрованное письмо, найденное среди его бумаг, было расшифровано лишь в 2007 году. Оно было отправлено Джефферсону в 1801 году его коллегой по Американскому философскому обществу, тогдашнему инкубатору научных идей. Его членов, в частности, интересовали такие вопросы, как разработка секретных шифров и кодов, а также разгадка тайны происхождения индейских племен, населявших Новый Свет.

Джефферсон был страстным поклонником и исследователем истории и культуры североамериканских индейцев. В своем доме в Монтичелло он собрал настоящую коллекцию индейских артефактов, превосходившую по разнообразию и богатству аналогичные коллекции тогдашних музеев и загадочным образом исчезнувшую после его смерти. Многие экспонаты этого собрания он получил от первопроходцев Льюиса и Кларка во время их первой знаменитой экспедиции к западным берегам Америки. Чего многие не знают, так это того, что в 1803 году Джефферсон отправил Конгрессу тайное письмо об этой экспедиции, из которого явствует подлинная цель долгого путешествия через весь континент.

На страницах этой книги вы узнаете, в чем она заключалась. Ибо в истории основания Америки есть своя тайная страница, о которой мало кому известно. Страница эта не имеет никакого отношения ни к франкмасонам, ни к тамплиерам, ни к другим безумным конспирологическим теориям. Более того, ключ к ней находится у всех на виду в Ротонде американского Капитолия. В этом величественном зале висит знаменитая картина Джона Тернбулла «Декларация независимости» (Джефферсон надзирал за ее созданием). На ней изображены все те, кто поставил свою подпись под этим судьбоносным документом. Иное дело, что почти никто не обращает внимания на тот факт, что Тернбулл изобразил на своем полотне еще пятерых человек, которые никогда не подписывали Декларацию независимости. Зачем ему это понадобилось? Кто они такие?

Если вам интересно это узнать, читайте дальше.

Научный комментарий

В новом тысячелетии очередной гигантский научный и технический прорыв может быть охарактеризован одним словом: «нанотехнологии». Это способ производства материалов на атомном уровне, на уровне одной миллиардной метра. Чтобы представить себе нечто таких размеров, посмотрите на точку в конце этого предложения. Ученые из Nanotech.org смогли создать пробирки такие крошечные, что в эту точку их вместится триста миллиардов.

Нанотехнологии идут вперед семимильными шагами. Только в этом году в Соединенных Штатах продукции, созданной на их основе, будет продано на сумму 70 миллиардов долларов. Нанопродукты присутствуют везде – в зубной пасте, солнцезащитном креме, в глазури на пирожных, в кольцах для прорезывания зубов, спортивных носках, косметике, лекарствах, даже в саянх для бобслея. На сегодняшний день наночастицы присутствуют примерно в десяти тысячах наименований промышленных изделий.

В чем же состоит темная изнанка подобного рода прогресса? Наночастицы способны провоцировать болезни, а то и смерть. Ученые из Университета Лос-Анджелеса установили, что окись титана в виде наночастиц (которая, например, присутствует в детском креме от солнца и множестве других продуктов) способна причинять вред животным на генетическом уровне. Установлено, что углеродные нанотрубки (а их сегодня можно встретить повсюду, например, в детских защитных шлемах) имеют тенденцию накапливаться в мозгу и в легких у крыс. Странные и неожиданные вещи могут происходить на этом, невидимом глазу уровне. Взять, к примеру, алюминиевую фольгу. Она довольно безвредна, и в нее обычно заворачивают остатки пищи. Но стоит измельчить ее до наночастиц, как она становится взрывоопасной.

Это новая, неизведанная территория. В настоящее время нет четких требований в том, что касается наноизделий, как нет работ по изучению безопасности продуктов, содержащих наночастицы. Увы, есть в этой индустрии и другая, еще более темная, пугающая сторона. Эта технология отнюдь не нова. Наоборот, ее история уходит в глубь веков. И чтобы выяснить, как она начиналась, чтобы обнаружить темные корни этой «новой науки»... читайте дальше.

Пролог

Осень 1779 года

Территория Кентукки

Череп монстра как будто нехотя показался из-под земли. Под слоем черной почвы желтел осколок клыка.

Двое перепачканных в грязи мужчин стояли на коленях по обе стороны от ямы. Один из них был отцом Билли Престона, другой – его дядькой. Билли застыл над ними, нервно грызя костяшку пальца. Ему было двенадцать, и он уговорил их взять его с собой в эту вылазку. Раньше его всегда оставляли в Филадельфии с матерью и младшей сестрой по имени Нелл.

И вот теперь его распирало от гордости. Правда, в данный момент к гордости примешивался страх.

То ли потому, что солнце уже висело низко над горизонтом, отбрасывая на их лагерь зловещие длинные тени. То ли дело было в костях, которые они откапывали из-под земли вот уже неделю.

Тем временем к яме стянулись и остальные – темнокожие рабы, что таскали камни и землю, чопорные ученые с перепачканными чернилами пальцами и, конечно же, загадочный француз по имени Аршар Фортескью, возглавлявший экспедицию в дремучие леса Кентукки.

Фортескью – высокий, тощий, с черными, как смоль, волосами и глубоко посаженными глазами – наводил на Билли ужас, напоминая ему своим черным сюртуком и жилетом смотрителя кладбища. Мальчику не раз доводилось слышать о нем полные ужасов рассказы: как этот тощий джентльмен препарировал трупы, как проводил над ними эксперименты, как путешествовал в далекие уголки земли, где собирал загадочные предметы. Поговаривали даже, что как-то раз он участвовал в мумификации одного своего коллеги-ученого. Тот якобы завещал собственное тело для экспериментов, тем самым рискуя обречь на вечные муки свою бессмертную душу.

Но французский естествоиспытатель поддержал его. И вот теперь Бенджамин Франклин пригласил этого французца для участия в новой научной экспедиции Американского общества популяризации полезных знаний. Судя по всему, в прошлом француз уже успел произвести на Франклина впечатление, хотя чем именно, никто не знал. Кроме того, к французцу прислушивался и новый губернатор Вирджинии – именно он и отправил экспедицию в это странное место.

Вот почему они были здесь, причем уже давно.

На протяжении вот уже нескольких недель Билли наблюдал за тем, как листва на деревьях медленно меняла свой свет с медного на ярко-красный. А в последние дни по утрам даже случались заморозки. Ночной ветер срывал с деревьев листья, и теперь к небу тянулись голые, похожие на руки скелетов, ветви. Утром каждого дня Билли должен был сгребать листья в кучи, очищая место раскопок. Это была бесконечная битва, как будто лес задался целью вновь похоронить то, что они откопали из-под земли.

И вот теперь Билли, держа в руках метлу, наблюдал за тем, как его отец – в грязных бриджах, закатав до локтя рукава рубашки – очищал от грязи выкопанное сокровище.

– Осторожно, – предупредил его Фортескью с сочным французским акцентом и, отбросив назад фалды сюртука, наклонился ниже. Одна его рука лежала на бедре, второй он оперлся на резную деревянную трость.

Высокомерие французца задело Билли до глубины души. Его отец знал эти леса как свои пять пальцев, начиная от прибрежных зарослей Вирджинии и до самых потаенных троп

Кентукки. Знал, как никто другой. Еще до войны отец Билли были траппером и торговал в этих краях с индейцами. Как-то раз он даже встретил Дэниела Буна¹.

И все же Билли было видно, как дрожали руки отца, когда тот, взяв кисть и совочек, выкопал сокровище из жирной лесной почвы.

– Вот оно! – взволнованно воскликнул дядя юноши. – Мы его нашли!

Фортескью склонился над ними.

– *Naturellement*. Разумеется. Где же еще ему быть, как не здесь! Зарыто рядом с головой змеи.

Билли не знал, что они ищут, – лишь отец и дядя читали запечатанные письма, которые губернатор слал французам. Зато он знал, что имел в виду Фортескью, говоря о змее.

Билли отвернулся от ямы и окинул глазами место раскопок. Они раскапывали земляную насыпь, что, извиваясь, тянулась через весь лес. Два ярда в высоту, четыре в ширину, она змеилась через леса и пологие холмы на две тысячи футов, и впрямь напоминая гигантскую змею, которую, когда она умерла, закопали там же, где она и лежала.

Билли уже и раньше слышал об этих извивающихся курганах. Насыпи вроде этой и другие искусственные возвышения, все как одно творение человеческих рук, находили по всей Америке. По словам отца, их когда-то построили предки дикарей, что сейчас населяли континент, и это были священные погребальные курганы индейцев. Говорили, что сами индейцы ничего толком не знали о строителях древних курганов, имелись лишь мифы и легенды. Чего только не рассказывали об этих сооружениях – и то, что это остатки древних цивилизаций, и о привидениях, и о проклятиях, и, разумеется, о захороненных в их толще сокровищах.

Билли подошел ближе. Отец тем временем извлек из земли предмет, завернутый в толстую шкуру. Ее грубый черный мех был цел. От загадочного предмета исходил запах – удушливая смесь перегноя и зверя, такой сильный, что он забил собой ароматы оленьего рога, которое готовили рабы на соседних кострах.

– Шкура бизона, – сказал отец и через плечо посмотрел на французам.

Тот кивком велел ему развернуть находку.

Отец обеими руками осторожно убрал в сторону кусок шкуры, чтобы открыть взору то, что было спрятано в ней на протяжении многих веков.

Билли затаил дыхание.

С самого начала, с момента открытия этих земель, индейские курганы грабили постоянно. Обычно в них находили кости погребенных мертвецов, наконечники стрел, сделанные из бизоньих шкур щиты и осколки индейской керамики.

Так почему же это место такое особенное?

Спустя два месяца, посвященных сначала разведке местности, затем составлению карты и в конце концов самим раскопкам, Билли так и не понял, что, собственно, привело их сюда. Подобно грабителям других курганов, все, чем мог похвастать отец и другие копатели, – это коллекция индейского оружия: луки, стрелы, копья. Да, еще были массивный горшок, пара расшитых бусами мокасин и головные украшения. И разумеется, кости. Многие тысячи костей – черепа, ребра, голени, бедренные и тазовые кости. Билли слышал, что, по словам Фортескью, здесь были захоронены по крайней мере около ста человек – мужчин, женщин, детей.

Собрать, рассортировать и внести их в реестр находок – это была задача не из легких. У них ушла вся зима на то, чтобы от одного конца кургана добраться до другого, осторожно

¹ Бун Дэниел (1734–1820) – активный участник освоения Дикого Запада, в 1775 г. привел на территорию будущего штата Кентукки первую группу поселенцев.

и тщательно, слой за слоем снимая землю, просеивая грязь и песок – и так до тех пор, пока француз не сказал, что они добрались до головы змеи.

Отец развернул бизонью шкуру. Все присутствующие дружно ахнули. Даже француз Фортескью, и тот шумно втянул длинным носом воздух.

На внутренней поверхности хорошо сохранившейся шкуры было изображено сражение. Стилизованные фигурки всадников скакали по ней куда-то вдаль, многие из них были вооружены щитами. Кончики копий были окрашены красной краской. Поверх голов летели стрелы. Билли мог поклясться, что слышит боевой клич дикарей, их вопли и улюлюканье.

Фортескью опустил на колени. Его рука застыла над картиной.

– Мне и раньше уже встречались подобные вещи, – признался он. – Дикари дубят шкуры буйволов смесью их же мозгов, затем полой костью наносят на поверхность кожи краски... Но, боже мой, я ни разу еще не видел шедевра, подобного этому! Вы только взгляните! Каждая лошадь отличается от других. А как тщательно прорисованы детали одежды воинов!

Француз чуть подвинул руку, и та замерла над тем, что шкура таила в земле долгие годы.

– Нет, ничего подобного я ни разу не видел.

Череп чудовища был извлечен из земли и очищен от грязи. До этого они откопали сломанные бивни, торчавшие из кожаного свертка. Извлеченный на свет череп был размером с церковный колокол. И как и бизонью шкуру, его поверхность также украшали рисунки, как будто для доисторического художника та превратилась в холст.

По всей его поверхности были вырезаны, а потом раскрашены краской человеческие фигуры. Такие яркие и живые, что казалось, будто они созданы буквально вчера.

Первым заговорил дядя Билли. Голос его был исполнен благоговейного ужаса:

– Череп, он ведь принадлежит мамонту. Такие находили рядом с Большим Соленым Камнем.

– Нет, это не мамонт, – возразил Фортескью и указал на череп кончиком трости. – Взгляните только на длину и изгиб бивней, на огромные зубы, предназначенные для перетирания пищи. Анатомия черепа отлична от черепов мамонта, какие находят в Старом Свете. Останки, подобные этим, характерны лишь для Америки. И их теперь относят к иному виду вымерших животных, который получил название мастодонт.

– Мне все равно, как он называется, – резко отозвался отец Билли. – Лучше скажите, это тот самый череп или нет? Это все, что я хотел бы знать.

– Есть только один способ это выяснить.

Фортескью протянул руку и провел пальцем по костистому гребню, венчавшему череп древнего гиганта. Кончик его пальца вскоре проник в отверстие в затылочной части черепа. За свою короткую жизнь Билли не раз приходилось свежевать оленей и кроликов, и он тотчас понял: отверстие это слишком чистое, чтобы иметь естественное происхождение. Француз приподнял находку.

Вокруг вновь раздались удивленные возгласы. Кое-кто из рабов в ужасе отшатнулся назад. Билли от удивления вытаращил глаза: череп чудовища раскололся пополам, вернее, открылся, словно створки шкафа. Отец помог французам сдвинуть половинки черепных костей в сторону, а ведь каждая из них была размером с хорошую обеденную тарелку и около двух дюймов в толщину.

Даже в тусклом вечернем свете было видно, как сверкнуло то, что лежало внутри.

– Золото! – в благоговейном ужасе прошептал дядя Билли.

Вся внутренняя поверхность черепа была выложена драгоценным металлом. Фортескью поводит пальцем по внутренней поверхности одной из половинок. Лишь тогда Билли заметил на ней небольшие выступы и канавки, напоминавшие грубо начерченную карту,

со стилизованными деревьями, горами и змеящимися реками. Кроме того, вся она была испещрена значками, напоминавшими отпечатки куриной лапы. Не иначе как какие-то древние письмена.

Фортестью пригнулся ниже и прошептал всего одно слово, исполненное, однако, благоговейного ужаса:

– Древнееврейский.

Как только первоначальное потрясение прошло, подал голос отец Билли.

– Но ведь череп пуст.

Фортестью посмотрел на открытую полость черепа. В ней вполне мог поместиться новорожденный младенец, но, как только что подметил отец Билли, она была пуста.

Фортестью какое-то время внимательно рассматривал ее, и хотя лицо его оставалось бесстрастным, Билли по его глазам видел, что француз мысленно строит самые разные догадки. Интересно, что они рассчитывали найти?

Фортестью выпрямился.

– Закройте находку и снова заверните в шкуру. Мы должны в течение часа быть готовы к отправке ее в Вирджинию.

Никто не стал с ним спорить. Если пройдет слух, что найдено золото, как это место тотчас же будет предано разграблению.

В течение следующего часа солнце уже село за горизонт, и пришлось зажечь факелы. Рабочие трудились не покладая рук. Очистили от земли череп, приготовили повозку, запрягли лошадей. Фортестью, отец Билли и его дядя большую часть этого времени о чем-то переговаривались между собой.

Билли как можно ближе подобрался к ним со своей метлой. Притворившись, будто занят, он на самом деле пытался подслушать их разговор. Увы, тот велся вполголоса, и до него долетали лишь обрывочные фразы.

– Думаю, этого достаточно, – сказал француз. – ...с чего-то начать. Если враг обнаружит его до нас, ваш юный союз обречен на неудачу, еще толком не родившись.

Отец покачал головой.

– Может, в таком случае уничтожить его прямо сейчас? Развести костер. Сжечь кости дотла, а золото переплавить...

– Возможно, дело дойдет и до этого, но пусть решение примет губернатор.

Отец собрался было возразить француз, но заметил поблизости сына. Он повернулся, поднял руку – мол, отойди отсюда – и открыл рот, чтобы что-то сказать.

Увы, он так и не произнес этих слов.

Прежде чем он заговорил, его горло взорвалось фонтаном крови. Отец рухнул на колени и схватился за шею. Из-под нижней челюсти торчала стрела. Кровь бежала у него между пальцами, красными пузырями kloкотала на губах.

Билли бросился к отцу. В считанные мгновения из юноши он вновь превратился в ребенка.

– Папа!

От испуга он словно оглох. Мир сжался, и теперь в нем остался лишь его отец, который смотрел на сына взглядом, полным ужаса и сожаления. Затем тело несколько раз дернулось, и отец повалился вперед. Из спины его торчало оперение стрелы. Позади отца Билли увидел дядю. Тот стоял на коленях, голова безвольно болталась. Его грудь насквозь пронзило копьё. Острие впилося в землю, древко торчало из-за спины.

Не успел Билли сообразить, что именно предстало его взгляду, что происходит вокруг него, как он получил удар в бок. Нет, не стрелой или копьём. Удар нанесла чья-то рука. Он тотчас рухнул на землю и покатился. Но была от удара и польза. Билли моментально пришел в себя, и мир вокруг него обрел резкость.

Его уши наполнились криками. Испуганно ржали лошади. В пламени факелов плясали какие-то тени. Он увидел, как мужчины сошлись с кем-то в рукопашной схватке. Воздух вокруг него с пением пронзали стрелы. Им вторило улюлюканье дикарей.

На лагерь напали индейцы.

Билли отбивался, как мог, но француз крепко прижал его к земле.

– Тише, не поднимай головы! – прошипел ему в ухо Фортескью.

В следующий миг он уже скатился с Билли и вскочил на ноги, вовремя заметив, что на него, высоко воздев над головой боевой топор, несется дикарь с раскрашенным красной краской лицом.

Француз оборонялся единственным доступным ему оружием – своей дубовой тростью.

Он наставил на индейца ее острие, и в следующее мгновение трость разломилась рядом с ручкой. Деревянный кончик соскользнул на землю, обнажив спрятанную в трости шпагу.

Пустой футляр ударил индейца по голове. Тот пошатнулся. Воспользовавшись моментом, Фортескью сделал выпад и вогнал острие шпаги нападающему в грудь.

Индеец испустил гортанный вопль. Фортескью оттолкнул его от себя, и враг рухнул на землю рядом с Билли.

– Ко мне, мой мальчик! – крикнул француз, выдергивая шпагу из поверженного дикаря.

Билли повиновался. Это все, на что он был способен. Времени на размышления не было. Он попытался подняться на ноги, но его схватила чья-то рука. Это его попытался удержать на месте истекающий кровью индеец. Билли торопливо вырвал руку.

Индеец упал навзничь. Там, где рукав Билли только что сжимала его рука, остались отпечатки пальцев. Это не кровь, моментально понял Билли. Это краска.

Он посмотрел на умирающего дикаря. Рука, которая только что сжимала его, была белой, как лилия, хотя в линиях ладони застряли частички краски.

Затем чьи-то пальцы схватили его за шиворот и рывком подняли на ноги.

Билли повернулся к французу, который по-прежнему крепко держал его за шиворот.

– Это... это не индейцы, – хлюпая носом, прошептал юноша, пытаясь понять, что же случилось.

– Знаю, – спокойно ответил Фортескью.

Вокруг них по-прежнему царил хаос. Последние факелы погасли, и в темноте раздавались вопли, молитвы, мольбы о пощаде.

Фортескью потащил Билли через весь лагерь. Он замедлил шаг лишь раз – чтобы поднять с земли бизонью шкуру, которую сунул в руки Билли. Вскоре они добрались до одинокой лошади, спрятанной в глубине леса. Привязанная к дереву, она уже была оседлана, как будто кто-то ожидал нападения. При их приближении лошадь забила копытами и замотала головой, напуганная криками и запахом крови.

– Садись в седло, – сказал француз, – и приготовься лететь.

Билли едва поставил ногу в стремя, как француз уже растворился в темноте. Билли ничего не оставалось, как сесть в седло. Почувствовав седока, лошадь заметно успокоилась. Билли обнял потную шею лошади. Казалось, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. Кровь громко шумела в ушах. Боже, как ему хотелось зажать уши ладонями, лишь бы ничего не слышать – ни шума битвы, ни криков раненых. Вместо этого он вперил взгляд в темноту – не затаились ли поблизости дикари?

Это не дикари, напомнил он себе.

Позади него треснула ветка. Он обернулся. В темноте показалась человеческая фигура. По капюшону куртки и блеску клинка Билли понял, что это француз. Он уже хотел было спрыгнуть с лошади и вцепиться в этого странного человека, чтобы тот объяснил ему, зачем понадобился весь этот обман, это кровопролитие.

Фортескью, ковыляя, подошел ближе. Чуть выше колена из его ноги торчала обломанная стрела. Подойдя к Билли, француз сунул ему в руки два каких-то крупных предмета.

– Держи. Только, пожалуйста, заверни в шкуру, чтобы никто не видел.

Билли взял их у него из рук и тотчас понял: это же макушка загадочного черепа, расщепленная на две половинки! С одной стороны кость, с другой – золото. По всей видимости, Фортескью снял их с черепа монстра.

Но зачем?

Увы, времени на вопросы и ответы на них не было. Билли положил две золоченые пластины себе на колени и прикрыл лоскутом бизоньей шкуры.

– А теперь вперед! – приказал Фортескью.

Билли уже было взялся за уздечку, но в последний миг спросил:

– А как же вы, сэр?

Как будто почувствовав страх юноши, Фортескью положил руку ему на колени, пытаясь его успокоить.

– У тебя и твоей лошади тяжелая поклажа, – быстро, но твердо проговорил он. – Еще одного седока ей не выдержать. Скачи вперед, насколько хватит сил. Отвези это в безопасное место.

– Но куда именно? – уточнил Билли, крепче сжимая поводья.

– Новому губернатору Виргинии, – ответил француз и отступил прочь. – Томасу Джефферсону.

Часть первая Вторжение

Глава 1

Наши дни

18 мая, 13 часов 32 минуты

Скалистые горы, штат Юта

Место было похоже на врата ада.

Два молодых человека стояли на горном кряже, вглядываясь в глубокую, темную бездну. У них ушло восемь часов на то, чтобы из крошечного городка под названием Рузвельт добраться сюда, на эту далекую вершину Скалистых гор.

– Ты уверен, что это то самое место? – спросил Трент Уайлдер.

Чарли Рид взял в руки мобильник, включил навигатор джи-пи-эс, затем посмотрел на индейскую карту, нарисованную на куске оленьей шкуры, которую он хранил в прозрачном пластиковом пакете.

– Думаю, что да. Если верить карте, на дне впадины должна протекать небольшая река. Вход в пещеру располагается там, где она поворачивает на север.

Трент вздрогнул и смахнул с волос снег. Хотя склоны гор внизу пестрели цветами, что говорило о том, что там уже наступила весна, здесь, вверху, зима по-прежнему отказывалась сдавать позиции.

Воздух обдавал ледяным холодом, вершины гор были увенчаны снежными шапками. Что еще хуже, небо с каждым часом как будто опускалось все ниже, и в воздухе уже мелькали снежинки.

Трент вгляделся в узкую долину. Пропась показала ему бездонной. Далеко внизу из моря тумана вставал черный сосновый лес. С обеих сторон вниз обрывались отвесные склоны. И хотя у него с собой были веревки и специальное снаряжение, ему хотелось надеяться, что все это ему не понадобится.

Впрочем, по-настоящему его тревожило нечто другое.

– Может, нам не стоит спускаться вниз? – сказал он своему товарищу.

Чарли вопросительно выгнул бровь.

– Это после того, как мы весь день взбирались вверх?

– А ты помнишь проклятие? Что твой дед...

– Старик уже одной ногой в могиле, – отмахнулся Чарли, – а в голове у него сплошной караул. – Чарли звонко шлепнул друга по плечу. – Так что не надо валить от страха в штаны. В той пещере если нас что-то и ждет, то лишь несколько наконечников от стрел и разбитых горшков. Ну, если повезет, еще пара-тройка костей. Так что полный вперед!

Тренту ничего не оставалось, как двинуться вслед за Чарли по узкой звериной тропе, которую они обнаружили чуть раньше. Они медленно шли вперед, и Трент хмуро смотрел на спину Чарли в красной куртке, которую украшали два пера, эмблема Университета штата Юта. Трент по-прежнему носил свою школьную куртку с изображением пумы. Они были друзьями еще с начальной школы, но в последнее время заметно отстранились друг от друга. Чарли закончил свой первый год в колледже, в то время как Трент трудился полный рабочий день в автомастерской своего отца. Летом Чарли ждала учебная юридическая практика в индейской резервации Юинта.

Его друг был восходящей звездой, и вскоре, чтобы разглядеть ее высоко в небесах из их крошечного родного городка под названием Рузвельт, ему понадобится мощный телескоп.

Впрочем, что в этом нового? Чарли всегда затмевал его. Всегда и во всем. Не облегчало жизнь и то обстоятельство, что его друг был наполовину индейцем, смуглый, с длинными черными волосами. В отличие от него, рыжие вихры Трента были коротко стрижены, а нос и щеки украшала россыпь веснушек, из-за которых на школьных вечеринках он всегда ходил при Чарли в роли второго номера.

Хотя еще никто не сказал этого вслух, оба знали, что их дружба доживает последние дни и закончится, как только они вступят во взрослую жизнь. Именно по этой причине они и решились на это совместное приключение – поиски священной пещеры племени юта. Для обоих это было своего рода прощание.

По словам Чарли, лишь горстке старейшин было известно о месте захоронения высоко в горах Юинта. Более того, тем немногим, кто об этом знал, было строжайше запрещено раскрывать секрет пещеры.

Чарли сам узнал о пещере лишь потому, что его дед слишком любил бурбон. Чарли сомневался, что старик помнит, как показывал ему старую, начерченную на шкуре оленя карту, которая хранилась в полном роге бизона.

Трент впервые услышал про пещеру еще в школе, сидя в одной палатке с Чарли. Зажав для лучшего эффекта под подбородком фонарик, друг посвятил его в эту историю.

– Мой дед говорит, что Великий Дух все еще посещает эту пещеру. Охраняет сокровище моего народа.

– Что за сокровище? – спросил его тогда Трент с сомнением в голосе. В ту пору его куда больше интересовал журнал «Плейбой», который он втихаря тягал из отцовского шкафа. Вот это было настоящее сокровище!

Чарли пожал плечами.

– Не знаю. Но оно точно проклято.

– Это как?

Его друг подвинул фонарик ближе к подбородку и дьявольски выгнул бровь.

– По словам деда, любой, кто вторгнется без спросу в пещеру Великого Духа, никогда уже оттуда не выйдет.

– Это почему же?

– Потому что, как только такой человек оттуда выйдет, настанет конец света.

Помнится, в тот момент старый охотничий пес Трента издал такой оглушительный вой, что они оба вскочили с места. Правда, потом оба расхохотались и проговорили до глубокой ночи. В конце концов Чарли заявил, что рассказ деда – это полная чушь, густо замешанная на индейских суевериях. Будучи современным индейцем, Чарли из кожи вон лез, чтобы это доказать.

Тем не менее он взял с Трента слово, что тот никому ничего не расскажет, и упорно отказывался показать ему это место – до сегодняшнего дня.

– Там внизу уже гораздо теплее, – сказал Чарли.

Трент протянул ладонь. Его друг прав. Снегопад усилился. Снежинки сделались крупнее и тяжелее. Но по мере того как они спускались ниже, воздух стал гораздо теплее и теперь слегка пах тухлыми яйцами. В какой-то момент снегопад перешел в изморось. Трент вытер руку о брючину и понял, что туман, который он еще раньше заметил внизу, в ущелье, на самом деле – пар.

Затем среди деревьев промелькнул и его источник: небольшая речушка, журчащая по камням на самом дне ущелья.

– Пахнет серой, – сказал, принюхавшись, Чарли, и когда они подошли к воде, попробовал ее пальцем. – Горячая. Должно быть, где-то поблизости находится геотермальный источник.

На Трента это не произвело впечатления. В этих горах такие источники бьют на каждом шагу.

Чарли выпрямился.

– Да, это то самое место.

– Это почему же?

– Горячие источники вроде этого почитаются моим народом. Вполне естественно, что они выбрали это место для захоронений. – С этими словами Чарли двинулся дальше, перепрыгивая с камня на камень. – Пойдем, это уже близко.

И они двинули вверх по течению ручья. С каждым шагом воздух становился все горячее и все сильнее пах серой. От этого запаха у Трента уже слезились глаза и щипало в носу. Неудивительно, что до сих пор не было желающих ближе познакомиться с этим местом.

Трент уже было собрался повернуть назад, как Чарли внезапно остановился в том месте, где речушка резко сворачивала на север. Держа в руках мобильник, словно некий волшебный указатель, его друг описал полный поворот, после чего сверился с украденной сегодня утром у деда картой.

– Мы пришли.

Трент огляделся по сторонам и не увидел никакой пещеры. Одни лишь деревья. Много деревьев. Высоко над головой снег начал замерзать на ветках инеем, хотя здесь, внизу, с неба падал противный дождь.

– Вход где-то поблизости, – твердил свое Чарли.

– Или это все индейские враки.

Чарли перепрыгнул на другую сторону ручья и принялся ногой сбивать пышные заросли папоротника.

– Но поискать в любом случае стоит.

Трент нехотя последовал его примеру на своей стороне, двигаясь прочь от воды.

– Тут ничего нет! – крикнул он, когда наконец уперся в гранитную стену. – Почему бы нам не...

В следующий миг он ее увидел. Вернее, заметил краем глаза, когда обернулся к Чарли. На первый взгляд – просто тень на поверхности скалы, с той единственной разницей, что ветерок, пролетая по ущелью, колыхал ветви деревьев, и их тени двигались.

Эта же оставалась неподвижна.

Он шагнул ближе. Вход в пещеру был низкий и широкий и напоминал разверстый в вечном оскале рот. Расположен он был на высоте четырех футов, под нависшим сверху каменным уступом.

Раздался плеск воды и проклятие. Это рядом с Трентом вырос его друг.

Трент указал на вход в пещеру.

– Значит, она и вправду тут есть, – сказал Чарли. Трент впервые уловил в его голосе сомнение.

Они какое-то время стояли, глядя на зияющее в скале отверстие и вспоминая истории о нем. Страх не давал обоим сделать шаг вперед, но гордость мешала отступить назад. Первым не выдержал Трент.

– Ну, так что, идем или нет? – спросил он, нарушив затянувшееся молчание.

Чарли заметно напрягся.

– А ты как думал? Конечно, идем.

И прежде чем обоим изменила храбрость, они шагнули к каменной стене и вскарабкались по ней ко входу в пещеру. Здесь Чарли вынул фонарик и осветил внутрь.

В глубь каменной толщи вел узкий проход.

Чарли сунул в него голову.

– Пойдем на поиски сокровищ!

Взбодренный бравадой в голосе друга, Трент последовал его примеру.

Проход быстро сузился, и они были вынуждены идти гуськом. Воздух сделался жарче, но по крайней мере был сух и не так сильно пах сероводородом.

Протискиваясь в один особенно тесный проход, Трент даже через куртку почувствовал, как горячи каменные стены.

– Черт, да тут прямо сауна, – буркнул он, выбираясь из узкого лаза.

Лицо Чарли просияло.

– Это точно. Думаю, мой народ в этих целях ее и использовал. Готов поспорить, что горячий источник бьет из-под земли прямо у нас под ногами.

Тренту эта идея не слишком понравилась, но поворачивать назад было уже поздно.

Еще несколько крутых ступенек, и тоннель открылся в низкую пещеру размером примерно с зал для игры в баскетбол. Прямо впереди, в скальной породе было устроено углубление. Гранит в нем был черен от сажи древних факелов.

Чарли машинально потянулся и схватил Трента за руку. Хватка была железной, но его рука при этом дрожала. Трент тотчас понял, почему.

Пещера была отнюдь не пуста.

Вдоль стен и на каменном полу виднелись ряды человеческих тел, мужчин и женщин. Кто-то сидел прямо, скрестив ноги, другие завалились на бок.

Кожа их высохла и напоминала натянутый на кости пергамент, глаза усохли в глазницах, губы растянуты, обнажив желтые зубы. Все, как один, обнажены по пояс, даже женщины. Их высохшие груди свисали плоскими лоскутами. У нескольких на головах были уборы из перьев, у других – ожерелья из камней и сухожилий животных.

– Мой народ, – произнес Чарли с трепетом и гордостью в голосе и сделал шаг навстречу мумиям.

Трент шагнул вслед за ним.

– Ты уверен?

В свете фонарика кожа мумий казалась слишком бледной, волосы – слишком светлыми. Но Трент плохо разбирался в таких вещах. Возможно, под действием горячего воздуха, который иссушил их тела, те также слегка обесцветились.

Чарли посмотрел на мужчину с ожерельем из черных перьев на шее и поднес фонарик ближе.

– Да нет, он вполне себе красный.

Чарли имел в виду отнюдь не кожу древнего мертвеца. В свете фонарика спутанные волосы на высохшем черепе отливали медью. Но Тренту бросилось в глаза кое-что другое.

– Посмотри на его шею.

Голова мужчины была запрокинута, как будто он опирался ею о гранитную стену, отчего была хорошо видна кожа под подбородком, высохшая, словно папиросная бумага. Вдоль горла протянулся разрез – слишком прямой, чтобы быть следом чьих-то когтей. Впрочем, причина была ясна. Высохшие пальцы сжимали металлическое лезвие. Отполированное до блеска, оно отражало луч фонарика.

Чарли поводит фонариком по всей пещере. Похожие ножи валялись на полу, либо их можно было увидеть в руках других мумий.

– Похоже, они совершили массовое самоубийство, – растерянно произнес Трент.

– Верно, но почему?

Трент указал на еще одну отличительную черту пещеры. В дальнем ее конце в глубь горы уходил еще один проход.

– Возможно, они там что-то прятали. Что-то такое, о чем никому другому не полагалось знать.

Друзья взгляделись в темноту прохода. У Трента от ужаса по спине пробежали мурашки, руки покрылись гусиной кожей. Оба застыли как вкопанные, страшась шагнуть в эту обитель смерти. Даже возможность обнаружить сокровище утратила свою былую привлекательность.

Первым заговорил Чарли:

– Давай-ка лучше сматываться отсюда.

Трент не стал с ним спорить. Он насмотрелся ужасов на несколько лет вперед.

Чарли развернулся и, светя перед собой фонариком, зашагал к выходу.

Трент двинулся за ним в тоннель, однако то и дело оглядывался, опасаясь, как бы в мертвые тела не вселился Великий Дух и не отправил их им вдогонку, вооружив кинжалами. Он так задумался о том, что увидел сейчас в пещере, что не заметил, как поскользнулся на камешке и, упав на живот, соскользнул по тоннелю на несколько футов назад.

Чарли не стал его ждать. Более того, похоже, что он со всех ног устремился к выходу. К тому моменту, когда Трент наконец поднялся на ноги и стряхнул с коленок пыль, Чарли уже достиг выхода и выпрыгнул наружу.

Трент крикнул было ему вслед, мол, подожди, но в следующий миг снаружи раздался крик, резкий и сердитый. Там, снаружи, был кто-то еще. Трент застыл на месте.

Тем временем снаружи доносилась какая-то перепалка, но разобрать слов он не смог.

Затем грянул выстрел.

Трент вздрогнул и отпрянул на два шага назад в темноту. Спустя несколько мгновений эхо выстрела стихло, и в ущелье повисла гнетущая тишина.

Чарли? Неужели?

Трясаясь от страха, Трент двинулся дальше в глубь тоннеля, подальше от входа. Вскоре глаза его привыкли к темноте, и он, не производя лишнего шума, добрался до пещеры с мумиями. Здесь остановился, пойманный, словно в капкан, крошечной тьмой за его спиной и тем, кто затаился снаружи.

В следующее мгновение до него донеслось, как кто-то пыхтит и царапает камень.

О нет!

От ужаса Трент схватился за горло. Кто-то пытался вскарабкаться в пещеру. Чувствуя, как бешено колотится в груди сердце, Трент попытался дальше в глубь пещеры. Что еще ему оставалось? Черт, ему пригодилось бы оружие... Он остановился лишь на миг, чтобы выхватить из мертвых пальцев нож. Высохшие кости переломились, как сухие ветки.

Разжившись оружием, Трент сунул его за ремень брюк и начал пробираться среди мертвых тел. Руки он держал вытянутыми перед собой, слепо натываясь на трухлявые перья, на пергаментную кожу, на спутанные волосы. Он представлял, как костлявые пальцы тянутся к нему, но, подстегиваемый страхом, упрямо двигался дальше.

Ему нужно где-то спрятаться. Есть только одно такое место. Тоннель в дальнем конце. От этой мысли ему стало еще страшнее.

В какой-то момент его нога не нащупала под собой пол. Он едва не вскрикнул, но, на свое счастье, тотчас понял, что в каменном полу устроена яма для костра. В нее он едва и не оступился. Прыжок – и Трент уже был на другой ее стороне. Яма стала для него своего рода ориентиром во мраке пещеры. Впрочем, необходимость в нем вскоре отпала.

Свет у него за спиной внезапно сделался ярче и вскоре уже заливал все подземелье.

Получив возможность видеть, Трент со всех ног кинулся через всю пещеру. Добежав до дальнего тоннеля, он застыл в ужасе. Позади него раздавались какие-то глухие удары. Трент обернулся через плечо.

Из прохода, на том краю, выкатилось тело и растянулось на полу лицом вниз. В наполнявшем пещеру свете Трент смог разглядеть перья, вышитые на спине ярко-красной куртки.

Чарли.

В ужасе прижав к губам кулак, лишь бы не вскрикнуть, Трент юркнул в спасительную темноту тоннеля. Страх нарастал в нем с каждым шагом.

Черт, они знают, что я тоже здесь?

Пол тоннеля был плоским и гладким, а сам тоннель – коротким. Еще пять шагов, и он вышел в еще одну пещеру. Трент нырнул в сторону и прижался к стене. Он с трудом сдерживал надрывное дыхание, страшась, что его могут услышать. Немного придя в себя, рискнул выглянуть из своего укрытия.

Кто-то вошел в пещеру с мумиями, держа в руке фонарик. В прыгающем свете одинокого луча над телом его друга склонился чей-то силуэт и потащил его к костровой яме. Это был всего один человек. Затем убийца опустился на колени, положил на пол фонарик и подтянул Чарли к своей груди. Подняв лицо к своду пещеры, он принялся раскачиваться и что-то причитать на языке индейцев племени юта.

Трент сдавленно ахнул: он узнал морщинистое лицо. Прямо у него на глазах дед Чарли вскинул блестящий пистолет и приставил его к собственной голове. Трент поспешил отвернуться, но опоздал. В тесном пространстве пещеры грянул выстрел. Череп старика взорвался фонтаном костей и крови.

Пистолет со звоном упал на каменный пол. Старик тяжело навалился на тело внука, как будто хотел тем самым защитить его от смерти. Мертвая рука упала и слегка сдвинула лежащий на полу фонарик. Его луч упал прямо на то место, где затаился Трент.

Он в ужасе упал на четвереньки, вспомнив предостережение деда Чарли. Любой, кто вторгнется в пещеру Великого Духа, никогда не выйдет оттуда живым.

Дед Чарли сделал все для того, чтобы его внук отсюда не вышел. Каким-то образом он узнал об украденной карте и по их следу пришел сюда.

Трент зарылся лицом в ладони, тяжело дыша сквозь пальцы. Он отказывался верить тому, чему только что стал свидетелем. Затем прислушался. Нет ли здесь кого-то еще? Ответом ему стала могильная тишина. Он выждал еще десять минут.

Наконец, убедившись, что он здесь один, Трент заставил себя встать на ноги и оглянулся через плечо. Луч фонарика пронзал темноту вплоть до дальней стены меньшей пещеры. И теперь его взгляду предстало то, что было скрыто во тьме на протяжении многих веков.

У дальней стены пещеры были сложены каменные ящички, размером с контейнер, в котором обычно берут с собой в школу завтрак. Все они были смазаны и завернуты в кору. Но внимание Трента было приковано не к ним, а к тому, что высилось в центре пещеры.

На гранитном постаменте покоился огромный череп.

Тотем, решил Трент.

Он всмотрелся в пустые глазницы, отметил про себя высокий свод черепной коробки и неестественно длинные клыки – каждый длиной примерно с фут. Трент помнил уроки истории Земли и с первого взгляда определил, что перед ним череп саблезубого тигра.

И все равно он не мог не поразиться его размерам. А еще он должен рассказать кому-то про убийство, про самоубийство, а также про спрятанные сокровища.

Сокровища, в которых лично он сам не видел никакого смысла.

Затем Трент поспешил назад. Пересек зал мумий и со всех ног бросился навстречу солнечному свету. У выхода из пещеры он остановился, вспомнив предостережение деда Чарли о том, что будет, если кто-то вторгнется сюда, а потом уйдет живым.

Наступит конец света.

Со слезами на глазах Трент покачал головой. Суеверие только что стоило жизни его другу. И он не позволит, чтобы с ним самим произошло то же самое.

Одним прыжком Трент снова вырвался в привычный мир.

Глава 2

30 мая, 22 часа 38 минут

Горы Юинтас

Штат Юта

Ничто так легко не превращается в цирк, как убийство.

Маргарет Грантхем пересекла палаточный лагерь, разбитый посреди луга высоко над склоном ущелья. Холодный воздух давал о себе знать легкой одышкой и обострением артрита. Костяшки пальцев на холоде противно ныли. Порыв ветра грозил сорвать с головы шапку, но она удержала ее на месте, а заодно убрала от лица прядь седых волос.

Вокруг нее на площади нескольких акров склон горы пестрел палатками. Впрочем, в том, как они были разбросаны по лугу, просматривалась некая закономерность: здесь полиция, а вот здесь – представители местной прессы. Чуть дальше – подразделение Национальной гвардии, якобы для поддержания порядка, хотя на самом деле ее присутствие лишь добавляло нервозности.

В течение последних двух недель, привлеченные удивительной находкой, в это удаленное место стекались группы американских индейцев, кто-то пешком, кто-то верхом. Они прибывали сюда под эгидой самых разных организаций под аббревиатурами АСАИ, НККИ, ООКА, НИС². Впрочем, в конечном итоге все эти буквы служили одной цели: защитить права коренного населения Америки и сохранить их культурное наследие. Несколько палаток представляли собой типичные вигвамы, сооруженные представителями наиболее консервативных групп.

Маргарет недовольно прищурилась, глядя, как на поле рядом с лагерем садится вертолет местного новостного агентства, и покачала головой. Нет, столь пристальное внимание прессы здесь явно ни к чему.

Как ведущий антрополог Университета имени Бригама Янга, она получила приглашение от местного отделения бюро по делам индейцев помочь в урегулировании юридического спора, который возник в связи с обнаружением пещеры. Она вот уже тридцать лет возглавляла программу поддержки и сохранения культурного наследия коренных американцев, и представители местных племен знали ее и относились к ней с уважением. Кроме того, Маргарет частенько работала бок о бок с известным натуралистом и историком из племени шошонов, профессором Генри Каношем.

Сегодняшний день не был исключением.

Хэнк ждал ее у начала тропы, что вела вниз к системе пещер. Как и Маргарет, он был в тяжелых ботинках, джинсах и рабочей рубашке цвета хаки. Его длинные с проседью волосы были убраны в конский хвост. Маргарет была в числе немногих бледнолицых, знавших его настоящее индейское имя – Кайвью-вухнух, что означало Непоколебимая скала.

В данный момент он стоял у начала тропы и действительно напоминал скалу. Хотя возраст Хэнка приближался к шестидесяти, он был крепок, высок и мускулист. Лицо как будто вырублено из гранита; резкие его черты смягчали лишь золотистые искорки, что плясали в карих глазах.

Рядом с ним сидел его пес – коренастая, австралийская овчарка с одним голубым глазом и одним темным. Звали пса Кауч, что на языке индейцев юта значит «нет». Мэгги улыбнулась, вспомнив объяснение Хэнка по этому поводу. «Я столько раз кричал ему это слово, когда он был щенком, что оно пристало к нему в виде клички».

² Ассоциация североамериканских индейцев, Национальный конгресс американских индейцев, Объединенная организация коренных американцев, Национальный индейский союз – организации, выступающие за права коренных жителей Америки.

– Какие будут наши действия? – спросил Хэнк, когда Мэгги, поздоровавшись с ним, встала рядом.

– Ничего хорошего, – призналась она. – И похоже, лучше не будет, только хуже.

– Почему?

– Я разговаривала с шерифом округа. Пришел ответ судмедэкспертизы по алкоголю в крови старика.

Хэнк сильнее стиснул зажатую между зубов сигару. Он их никогда не курил, а только жевал. Мормонам запрещено иметь дело с табаком, но что поделаешь, иногда приходится нарушать строгие заповеди. Хэнк, индеец по крови, был воспитан мормоном. Еще в XIX веке после резни на Бэр-Ривер³ часть шошонов была обращена в эту веру.

– И что там говорится? – спросил он, не вынимая сигары изо рта.

– То, что старик сидел на мескаLINE.

Хэнк покачал головой.

– Мда. Представляю, как журналисты за это уцепятся. Чокнутый индеец, накачавшись наркотой, в припадке религиозного безумия убивает себя и собственного внука.

– Пока это держат в секрете, предпочитая молчать, но в конце концов шила в мешке не утаишь, – Мэгги вздохнула. – Реакция на первоначальный отчет тоже не вдохновляет.

Полиция штата прибыла сюда первой, чтобы расследовать убийство молодого индейца и самоубийство его деда. Имея свидетеля – друга убитого юноши, копы быстро закрыли дело. Тела погрузили в вертолет и отправили в главный морг штата в Солт-Лейк-Сити. В первоначальном отчете судмедэксперта в качестве причины трагедии называлось помешательство как следствие хронического алкоголизма. Позднее как в местных, так и национальных газетах начали появляться материалы об алкоголизме среди американских индейцев. Нередко эти публикации сопровождали карикатуры с изображением пьяных туземцев.

Разумеется, все это отнюдь не шло на пользу делу. Маргарет отлично знала, какого такта требуют разговоры на подобную тему, особенно здесь, в Юте, где отношения между коренными американцами и белыми пришельцами всегда были напряженными, а порой и кровавыми.

Но это лишь часть проблемы, с которой они столкнулись. Нерешенным пока оставался вопрос относительно других тел, найденных в пещере, – сотен древних мумифицированных останков.

Хэнк помахал рукой в сторону тропы, что вела к пещере. Пес потрусил впереди, высоко задрав пушистый хвост. Хэнк двинулся следом за ним.

– Топографы сегодня утром уже закончили отчет. Ты его видела?

Мэгги покачала головой и тоже зашагала вслед за ними по тропинке.

– Согласно их данным, вход в пещеру расположен на федеральной земле, в то время как система пещер тянется под территорией резервации.

– Иными словами, линия юрисдикции размыта.

Хэнк кивнул.

– Хотя вряд ли это играет большую роль. Я читал отчет, составленный бюро по делам индейцев. Начиная с 1861 года вся эта территория составляла часть одной большой резервации. Но за последние сто пятьдесят лет ее границы постоянно стирались и ужимались.

– Что, в свою очередь, означает, что бюро по делам индейцев имеет полное право потребовать, чтобы содержимое пещеры было передано местным племенам.

³ Резня на Бэр-Ривер – нападение отряда американской армии на стойбище индейцев шошонов у реки Бэр-Ривер на территории современного штата Айдахо, случившееся 29 января 1863 года. Солдаты насильовали и убивали женщин, не щадили детей. Всего было убито 21 солдат и около 250 индейцев.

– Это тоже зависит от ряда факторов, таких, как возраст останков и времени, когда они были захоронены. И разумеется, открытым остается вопрос, принадлежат ли они вообще коренному населению.

Мэгги кивнула. Именно по этой причине ее и пригласили сюда: определить расовую принадлежность останков. Вчера она уже провела беглый первоначальный осмотр. Если судить по цвету кожи и структуре лицевого отдела черепа, это были европеоиды. Но артефакты и одежда – типично индейские. Дальнейшие исследования – анализы ДНК, химические пробы – все это упиралось в юридические коллизии. Более того, она не могла даже сдвигать тела с места, не имея на это права согласно Закону о защите и репатриации могил коренных американцев.

– Повторяется ситуация с кенневикским человеком, – ответила Мэгги.

Хэнк вопросительно выгнул бровь и посмотрел на нее.

– В 1996 году в Кенневике, штат Вашингтон, на берегу реки был найден старый скелет. Судебный антрополог, который осмотрел его первым, заявил, что это европеоид.

Хэнк посмотрел на нее и пожал плечами.

– И что из этого?

– Тело подвергли радиоуглеродному анализу, и оказалось, что ему более девяти тысяч лет. Европеоидные черты привлекли к находке всеобщее внимание. Согласно современной гипотезе, первые люди мигрировали на Североамериканский континент через перешеек, соединявший Сибирь с Аляской. Найдено древнего человека с европеоидными чертами ей противоречит. Похоже, раннюю историю Америки следует переписать заново.

– И что было потом?

– На тело претендовали пять индейских племен. Они требовали, чтобы останки были преданы земле без их дальнейшего изучения. Юридические баталии продолжались даже десятилетие спустя. Известны и другие случаи находок европеоидных останков. И по их поводу также кипели бумажные битвы, – ответила Мэгги и принялась загибать пальцы. – Мумия из пещеры Духа в Неваде, «орегонский человек», женщина из Арлингтон-Спрингс. Их останки так и не были толком изучены. Другие же похоронены в безымянных индейских могилах и навсегда утрачены для науки.

– Будем надеяться, что здесь этого не произойдет, – успокоил ее Хэнк. Они уже добрались до дна ущелья. Верный Кауч уже ждал их внизу, высунув от усталости язык, но по-прежнему гордо задрав хвост.

В нос ударил запах сероводорода – это давал о себе знать бивший в долине горячий источник. Мэгги поморщилась. На ее лице уже выступили капли пота. Она, словно веером, обмахивалась одной рукой.

Заметив, что ей тяжело дышать, Хэнк поспешил повести их за собой к устью пещеры. Перед входом дежурили два национальных гвардейца, вооруженные винтовками, с пистолетами в кобуре.

Удивительная находка привлекла к себе огромное внимание, и нельзя было исключать, что найдутся желающие нагреть на ней руки.

Заметив их приближение, один гвардеец сделал шаг вперед. Это был молодой человек с по-мальчишески свежим лицом и рыжеватой щетиной на подбородке. Рядовой Стинтон. Его поставили здесь неделю назад, и он узнал приближающихся ученых.

– Майор Райан уже внутри, – доложил он. – Он ждет вас, чтобы вместе с вами сдвинуть находку.

– Отлично, – отозвался Хэнкс. – Там, наверху, все уже заждались этого момента.

– И держат наготове видеорекамеры, – добавила Мэгги. – Будет нехорошо, если священный индейский артефакт вынесет из пещеры человек в военной форме. Такие вещи требуют дипломатичности и такта.

– Майор Райан тоже так считает. – Рядовой Стинтон отступил в сторону, а затем негромко добавил: – Но его терпение на исходе. Слышали бы вы, какими словами он отзывался о том, что здесь происходит.

Впрочем, чего еще можно было ожидать?

Да и майор Райан – настоящая заноза в кое-каком месте.

Хэнк подсадил Мэгги на выступ у входа в погребальную пещеру. Когда его крупные руки крепко сжали ее бедра, ее тотчас как будто обдало горячей волной горько-сладких воспоминаний. Эти самые руки когда-то давно ласкали ее обнаженное тело. То были короткие мгновения, родившиеся из их глубокой взаимной дружбы и проведенных вместе вечеров. Увы, в конце концов отношения эти оказались не нужны ни ему, ни ей. Быть друзьями было гораздо удобнее, чем любовниками.

И все же в тот миг, когда он присоединился к ней, легко запрыгнув на каменный выступ, ее щеки пылали румянцем. Впрочем, похоже, он этого не заметил, что, с одной стороны, было к лучшему, а с другой – немного обидно.

Псу Хэнк приказал ждать их снаружи. Кауч печально повесил голову. Вдвоем они двинулись в глубь пещеры. Вскоре из ее чрева до них донесся приглушенный крик. Мэгги и Хэнк переглянулись. Последний закатил глаза. Майор Райан, как обычно, был недоволен.

Командиру отряда Национальной гвардии находка была не просто неинтересна. Это поручение вызывало в нем глухое раздражение. Кроме того, Мэгги подозревала, что имеет место и расовая неприязнь. В лагере она как-то раз стала свидетельницей язвительной ремарки, отпущенной майором в адрес индейцев. Мол, будь на то моя власть, я бы их всех загнал в Тихий океан.

И вот теперь она вынуждена работать бок о бок с этим человеком – по крайней мере, до тех пор, пока не обеспечена сохранность сокровища. Именно по этой причине им с Хэнком и было дано разрешение сдвинуть артефакт с места и переправить на хранение в Университет имени Бригама Янга. Такую находку, как эта, нельзя оставлять без присмотра. Как только артефакт отправят в университет, меры безопасности можно будет ослабить, и тогда, возможно, зреющее в лагере недовольство пойдет на убыль.

Дойдя до главной пещеры, Мэгги остановилась у входа, в очередной раз пораженная жутковатым зрелищем мумифицированных останков. Сегодня пещеру освещали яркие переносные лампы, а само помещение было поделено желтой полицейской лентой на сектора. Из середины пещеры к дальнему тоннелю вела дорожка, также огороженная с двух сторон желтой лентой.

Мэгги зашагала по ней, хотя внимание ее в очередной раз было приковано к окружавшим ее телам. Степень их сохранности поражала. Геотермальный жар выпарил из останков всю жидкость. В результате мягкие ткани высохли, концентрация соли в телах повысилась, а соль, как известно, – природный консервант.

В тысячный раз Мэгги задалась про себя вопросом, что заставило этих людей свести счеты с жизнью. Почему-то это зрелище напомнило ей Масаду, где евреи-повстанцы предпочли совершить массовое самоубийство, но не сдаться на милость римского легиона, стоявшего у ворот крепости.

Неужели и здесь произошло нечто подобное?

Увы, ответа на этот вопрос у нее не было. Еще одна загадка среди множества других.

Краем глаза Мэгги заметила какое-то движение. Она тотчас застыла на месте и глянула на груду тел в дальнем углу. Затем ей на плечо легла чья-то рука. Она невольно вздрогнула.

Пальцы Хэнка сжали ее плечо.

– В чем дело? – спросил он.

– Мне показалось...

Она не договорила, потому что из тоннеля донесся громкий грубый голос:

– Ну, наконец-то!

Из дальнего тоннеля показался луч света, а вслед за ним возник и сам майор Райан с фонариком в руке. Он был в полной форме – не забыл надеть даже каску, от чего глаза его оставались в тени. Лицо хмурое, раздраженное, губы плотно сжаты.

Поводив фонариком из стороны в сторону, он развернулся и снова скрылся в тоннеле.

– Давайте-ка ближе к делу. Я, как вы и просили, уже приготовил ящик для транспортировки. Двое моих солдат помогут вам.

Хэнк что-то негромко пробормотал, а потом, уже громче, добавил:

– Привет, майор!

Мэгги остановилась у входа в тоннель и обернулась через плечо. Ничего. Никаких движений. Она покачала головой. Просто игра света и тени.

Господи, я уже шарахаюсь от собственной тени.

– У нас проблема, – сказал Райан и вновь привлек к себе ее внимание. – Несчастный случай.

– Что такое? – уточнил Хэнк.

– Взгляните сами.

Мэгги торопливо зашагала следом за ним. Интересно, что там у них не так?

11 часов 40 минут

Сжавшись в комок среди теней, диверсантка проследила за тем, как все трое скрылись в тоннеле. Ну, все, можно вздохнуть с облегчением, подумала она, пытаясь унять бившую ее дрожь. Женщина едва не выдала себя, когда попыталась затащить рюкзак за спины двух мертвых тел.

Ее одолевали сомнения.

Что я делаю здесь?

Пригнувшись как можно ниже, она затаилась среди теней. В таком положении она сидела здесь уже с самого утра. Ее имя было Каи, что на языке индейцев навахо значит «ива». От страха сердце громко стучало в груди. Она пыталась набраться мужества у своего имени, стать такой же стойкой и выносливой, как ива, и такой же гибкой. Она осторожно вытянула затекшую левую ногу.

Правда, ее спина продолжала болеть. Впрочем, ждать осталось недолго, пообещала она себе.

Каи пряталась здесь с рассвета. Двое ее друзей, притворившись пьяными, отвлекли от нее внимание гвардейцев, охранявших вход в пещеру. Воспользовавшись моментом, она за их спинами прошмыгнула в пещеру из своего укрытия и пробралась внутрь.

Было нелегко, не издав ни единого шороха, пробраться внутрь и занять позицию. Но ей всего восемнадцать, она тонкая и гибкая и знает, как сливаться с подрагивающими тенями. Этому научил ее отец, когда она была ему едва по колено. Он обучил ее множеству ныне забытых вещей – до того, как его подстрелили, когда он сидел за рулем бостонского такси.

Это воспоминание тотчас наполнило ее яростью.

Спустя год после его смерти ее завербовали в «Вахийя», военизированную индейскую группировку правого толка, выбравшую себе в качестве самоназвания слово из языка индейцев чероки, означавшее «волк». Как и полагалось волкам, они были свирепы, хитры и, как и она сама, молоды. Все как один не старше тридцати, все как один – нетерпимы к другим, лояльным к властям индейским организациям.

Спрятавшись в темноте, Каи позволила гневу обжечь ее и тем самым отогнать прочь страхи. Она вспомнила пламенные слова Джона Хокса, основателя и лидера «Вахийя». «С какой стати нам ждать, когда американское правительство вернет нам наши права? Зачем нам склоняться перед белым человеком колени и униженно принимать с его ладони крошки?»

Их группировка уже сделала себе имя несколькими небольшими акциями. Так, например, в Монтане «Волки» сожгли американский флаг на ступенях суда в знак протеста против вынесения обвинительного приговора индейцу племени кроу за употребление галлюциногенных грибов во время религиозной церемонии. А в предыдущем месяце в Колорадо они раскрасили из баллончиков офисы одного бизнесмена, призывавшего ограничить деятельность казино в индейских резервациях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.